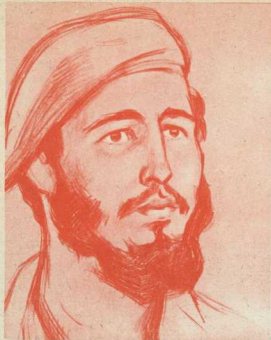

СМЕНА

10 1961

В. ИВАНОВ.

ФИДЕЛЬ НАСТРО.

В ЯНВАРЕ ЭТОГО ГОДА СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ В. ИВАНОВ И П. ОССОВСКИЙ ПОБЫВАЛИ НА КУБЕ. РЕЗУЛЬТАТОМ ЭТОЙ ПОЕЗДКИ ЯВИЛАСЬ ВЫСТАВКА, ОРГАНИЗОВАННАЯ СОВЕТСКОЙ АССОЦИАЦИЕЙ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ДОМОМ ДРУЖБЫ С НАРОДАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН. НА НЕЙ БЫЛО ПРЕДСТАВЛЕНО ОКОЛО ДВУХСОТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ.

СЕГОДНЯ МЫ ПОЗНАКОМИМ ВАС С НЕКОТОРЫМИ РАБОТАМИ В. ИВАНОВА И П. ОССОВСКОГО.

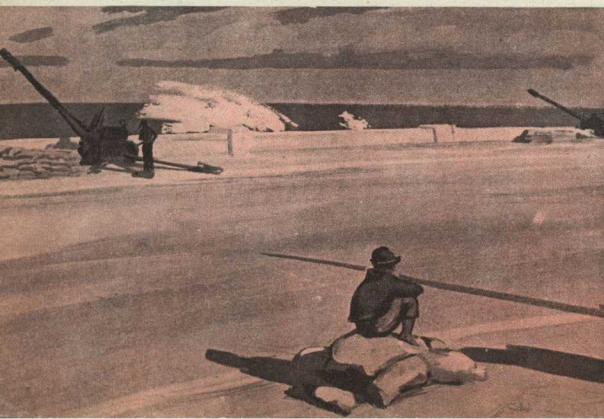
П. ОССОВСКИЙ.

МОЛОДОЙ ПОВСТАНЕЦ.

П. ОССОВСКИЙ.

УТРО В ГАВАНЕ.

В. ИВАНОВ

ДЕВУШКА С АВТОМАТОМ.

В. ИВАНОВ.

← ПУШКИ НА МАЛЕКОНЕ.

К ИЛЬЧУ.

Фотоэтиюд Г. Дубинского.

Кет Сми

Двадцать пять лет назад, в мае 1936 года, по решению партии и правительства в столице нашей Родины Москве был создан Центральный музей В. И. Ленина — музей, посвященный жизни и деятельности вождя и учителя трудящихся всех стран.

В многочисленных залах музея хранятся бесценные материалы и документы, показывающие титанический труд Ленина по созданию Коммунистической партии и первого в мире советского социалистического государства.

Каждый день на протяжении четверти века приходят сюда тысячи людей. Рядом с русским проходит по залам музея негр. Следом за седовласыми по широкой лестнице поднимаются пионеры... Они хотят увидеть дорогие сердцу реликвии, познакомиться с бессмертными ленинскими документами, узнать новое и уносят с собой еще более светлое чувство благодарности величайшему человеку, вечно живому в делах партии, в делах народа, строящего коммунизм.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

10

М Д И
10001

Год издания тридцать восьмой.

ЗДЕСЬ И ЗДЕМ!

ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ ПРЕДПРИЯТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Каждый раз, когда позади остается аэродром, железнодорожный вокзал, автобусная станция родного города, непрощеное волнение охватывает сердце. А что-то ждет впереди? Какой она будет, новая встреча с городом, заводом, селом, колхозом?... С новыми, еще неизвестными тебе людьми!

Я всегда очень волнуюсь, когда впереди дорога. А сегодня больше, чем когда-либо: ведь сегодня моя дорога — дорога в будущее. В моем коммундоромном удостоверении значится: «коммундоран в г. Баку на вагоноремонтном заводе» — предпритие коммунистического труда...

Эти короткие рассказы о том, что я увидел там и узнал и что, по моему мнению, может быть на каждой фабрике, на каждом заводе...

ХОЗВЕВА

...В заводском комитете комсомольцев висит грамоты. Одна, вторая, третья, четвертая... Много грамот. О каждом можно рассказать немало интересного, все они живая история комсомольской организации завода имени Октябрьской революции.

Шутка ли сказать: история коммунистической организации предприятия коммунистического труда! Не бригада, даю не цех, а целый завод уже сегодня живет и трудится по-коммунистически. И, пожалуй, каждый, кто впервые входит на территорию вагоноремонтного завода, задает один и тот же вопрос: «А как же и когда это началось?» Как складывался и рос заводской коллектив коммунистического труда? Бывает так: десятилетиями работают люди рядом, делают одну работу, вместе переживают успехи и неудачи, вместе приходят по утрам на работу, а выйдут после смены за ворота — и все по отдельности, у каждого своя, только что, личная дорога, у каждого только свой, личный интерес. Кончилась рабочая смена — и нет уже бригады, а есть каждый по себе. Да и что греха таить, бывает и так, что работают-то, кажется, вместе, вместе одной бригадой, а доведется поглубже каждому в душу заглянуть, нет ее, бригады, есть каждый по себе. А ведь об этой единой, дружной семье, о едином человеческом коллективе металла лучше знает человек. За него, за это сплоченный, единый по устремлениям, целям, по жизни коллектив погибли 26 бакинских комиссаров, погибли и снова встали в строю, границе области, что стоит в одном из самых красивых парков Баку — в парке Двадцати шести...

Немного больше двух лет назад по инициативе комитета комсомола завода была создана ККП — комсомольские контрольные посты. На комсомольском собрании все единогласно поддержали это

начинание. Ребята охотно соглашались:

— Правильно. Дело хорошее. — Экономия во всем и везде. — Рейд! Конечно, надо. Чтобы ничто не ускользало от комсомольского взгляда!

Но ведь и раньше было много хороших начинаний. И раньше кипятились активисты на собраниях, и раньше составляли планы, выносили решения, а дела живого подчас не было. Не первый год существует комсомольская организация на заводе, да только кто-то не видел ее. В рамках числится она одной из самых зеленых. Хорошо уж, что взносы ребята более или менее аккуратно платят! И вот тогда, на том памятном собрании, кто-то в сердцах сказал:

— Давайте-ка, ребята, к ККП по-серьезному подойдем. Хозева мы на заводе. А раз хозева, давайте и работать по-хозяйски! Не только к себе строго относиться станем, а и к другим: и к старшим, и к младшим, и к рабочим, и к начальству!

В партком заводу комсомольцев поддержали:

— Что же, если хозевами себя считают, обратите для начала внимание на то, куда еще порой уходит металл. Велик у нас процент неучтенных потерь.

И вот уже ходит по цехам Тамара Касабова, Борис Ивкин, Вала Сухоносина, Юрий Кучеренко, Вел Гаджиев. Ходят, внимательно присматривая ко всему, будучи впервые на завод плана. Подлогу разговаривают с рабочими, что-то дотошно выспрашивают у мастеров, а порой и с начальниками цехов срываются.

— Да что же это такое? — жаловался те директору — Ходит, исследует их, возмущенные инспекторы — то им не так, это не так! Однообразие! — Беспорядочно! — весело шурит директор. — Правильно! Не инспекторы это — хозева! Вперед им и ответ дерзайте!

Но не только начальники цехов держали ответ перед беспокойными ККП. Самому директору пришлось прислушаться к их требованиям и срочно принять необходимые меры...

— Юрка, когда жар мостовой на завод привезли! — как-то бурчало Борис Ивкин к Юрию Кучеренко.

— Дак месяца назад. — Так вот кран до сих пор под открытым небом лежит. А в холодном цехе ребята горбом тоны двигают!

В кабинет к директору направлялись втроем: Борис, Юрий и Вала Сухоносина. Разговор был недолгим, но серьезным. А вскоре установили мостовой кран в колесном цехе, навеста освобождена рабочих от трудоемких ручных операций...

— Что это такое, скажи мне на милость? — спрашивал Анато-

лий Федорец бригадира Гусейнова.

— Как что Ну, болты, ключи, гаечки... Не маленький, сам должен понимать, не первый год на заводе работаешь. Зачем спрашиваешь?

— А затем, что ребята из твоей бригады все это в отремонтриванные вагоны оставляют. Вот и отправляются детали да инструменты наши по всему Союзу в путешествие.

Бригадир хмурится, но молчит.

— Как считаешь: дело это?

— Факт, нет! Недогляд. Пропуск ребят своих.

— Вот и пропосею, а заодно и бригаде Казакова скажи: тоже добуде заведское в безбилетное путешествие отправляют. Тут, брат, уже не копьями пазенят, рубли из своего же кармана вытряхиваем.

— Ладно, не кипятись. Сказал, что больше не буде этого, значит, точно!

...Около мастера кузнечного цеха собрались рабочие. Вели Гаджиев, протягивая ему тяжелую необработанную болванку, спрашивал:

— Ваша?

— Наша. Только что закончили партию tanks вот заготовок — серийные.

Серийные... Стало бы, это заготовок!

— Ясное дело, она, улыбаясь мастер и подмигивая рабочим: дескать, видели стимного, не знает, что такое заготовка.

— А черт-те, можешь посмотреть! — не унимается стимный.

— Посмотри. — Мастер нехотя идет к котлопике, ищет нужной чертежи. — Вот, разяснить, что ли? — Сами разбераетесь. А ну-ка, Тома, дай расчеты. — просит Вели Тамару Касабову, которая стоит рядом с болванкой в руках.

— Контрольный комсомольский действует, — замечает кто-то из рабочих.

— Мастер, сразу посерьезнее, молнит, а Тома и Вели притирчиво и внимательно разбирают чертеж, проверяют допуски.

— Все точно, — неуверенно говорит мастер.

— Точно! Полтора килограмма чистого металла в стружку с каждой заготовки пошло...

— Вот так заготовил!

С этого и началось. Из один десятков тонн металла экономии комсомольцы, серьезно и притирчиво приглядываясь к каждой технологической операции. И оказалось: для настоящих хозев неучтенных потерь не существует!

ПЕРВАЯ НА ПЕРВОМ

...Они только что автаркились домой, демобилизованные из армии. Здоровые, молодые ребята с руками, соскучившимися по мирной работе.

— Создадим из вас комсомоль-

ско-помощную бригаду, — сказали им в комитете комсомола.

И вот уже Михаил Кулик, Иван Гришин, Михаил Колупнов, Николай Вострцов — рабочие-котельники комсомольско-помощной бригады Шушарова. Первая молодежная бригада на заводе.

А вскоре радио принесло весты: «...На станции Москва-Сортировочная родилось новое патристическое движение, движимое за звание Бригад коммунистического труда».

Для друзей Карпа Шушарова не было вопроса, пора или не пора начинать борьбу за почетное звание. С первых же дней своей работы они создали комсомольско-помощную бригаду.

Одна из обязательных заповедей коммунистического труда гласит: учиться, учиться и учиться. А в бригаде учились только двое: Михаил Кулик и Икрам Садыков.

— Ну что же, ребята, давайте мы все с Мишей подучим, — говорит Икрам.

И в тумбочках рядом с инструментами появились учебники. В обеденный перерыв ребята эштуровали алгебраические формулы, на металлических листах-заготовках чертили треугольники и параллелограммы, читали учебник, так, что в следующем учебном году к бригаде уже учились все.

А на производстве Иван Гришин и Михаил Колупнов овладевали сложнейшими газорезками и сварочника, Миша Кулик осваивает управление мостовым краном...

Много времени у рабочих отнимала мойка пружин. Приходилось подолгу заниматься каждой в отдельности, чистить и мыть ее вручную. Ребята из бригады Шушарова предложили установить спецшлангу. В результате за двадцать минут — шестьдесят гондов, чистая пружина. А раньше на это шлм часа и был специальный рабочий-мошкш.

Вместо угольного горна силиком бригада установили электром — снова громадная экономия энергии.

По предложению Ивана Гришина решили производить сборку тележек, не дожидаясь скатов, что совершенно исключило простои, повисло производство тележек. Это позволило бригаде к концу года отремонтировать двести скатов вагонных тележек сверх плана, которых достаточно было для двух тысяч цистерн.

Шушаровым на заводе завоевали почетное звание коллектива коммунистического труда. А вслед за ними это звание получила бригада Андрущенко, а там еще и еще...

ПРИВЕТКА

Асад Гусейнов трех десятков лет еще не прожив и неприятности была уйма. Еще когда в школу бежал, анализист эти неприятности. Не раз учитель в класс не пускал, а сколько раз из школы грозился выгнать — не пересчитывай. И все из-за его сверхного характера: то с ребятами на улице поделается, то стекло мячом разобьет, а то и нахулиганит где-нибудь. Короче: неприятности градом сыпались на шалую Асаду голову. Родные с обложением вздохнули, когда пришло время призваться парню в армию.

— В самый раз повестка подоспела. В армию его уж навстривка

воспитателю, а без этого пролепать парня на донос такубо не выйдет. Вернулся Асад со службы по-взрослому, возмужавшим. По уликам ходил степенно, в армейской форме, жалко, что без погоны только.

— Остались парень,— решили близкие.

Решение это еще больше утвердило, когда узнали, что поступающий Асад на авторемонтном заводе за звание коммунистического труда борется, уж там-то не дадут парню на окольные дорожки повернуть. И никто не знал, что привез Асад из армий стальной заварки в заводском комитете комсомола узнали. Да и как не узнать: в учетной карточке черным по белому написано: «Обязан строгий выговор за сорбление командир».

— Как же это!— спросили Асада в комитете.

— Да как, просто. Леа он кому мне, вот и получил своей! И Асад было гордо обходить то же комсомольское секретари: дескать, колы и ты лезь будешь, и для того про запас кое-что осталось. Секретарь выдержал этот взгляд и спокойно спросил:

— И у нас тоже по-старому жить думаешь? Борешься мы всем коллективом за звание завода коммунистического труда, так что комсомольцы!

— Знаю!— оборвал секретаря Асад.— Говорил уже. Не растячивая зря на агитацию.

А вскоре началось, что ни неделя, то скандал у Гусеонова. То жалоба по поводу оплаты, то по работ отказывался, а то и просто прогулял смену... Ребята на него «нажирали», а он, как нарочно, плуце пренежного обузт.

Вызвать его! Нечего воздвизь! И вправду, одна паршивая овода все отури испортил,— возмущались многие.

И могло бы так статься, что выйдет парильный мол, чтобы вывести за заводским воротами, мы от себя освобожденные. Но так, и слышю для Асада, не случилось. Бригадир Сергей Андриченко продолжил:

— А давайте-ка, ребята, вызовем его «на кругу».

«На кругу» так называется на заводе собрание, когда семь рабочих заходят на разговор вызовом. Вызывают, ставят посреди дава, округат— и продолжают... Слова вынюхают не допуст сказать: каждый ему в глаза все, что ему делал, так и ремонт. Такое собрание и ведут сами рабочие и меру наказания сами определяют. Решат уволить— и директор, на говоря ни слова, приказ подписывает. Решат оставить— и остается рабочий на заводе, только долго будет помнить, как его «на кругу» вызывали. Перед тем, как Асада на собрание вызвать, Сергей Андриченко с бригадой своей посоветовался.

— Дадим Гусеонову на полную раскрутку, но гнать его с завода, я думаю, не надо. Знаете, я привил себя делать и возмезд его к себе в бригаду.

— Стоял Асад лицом к собранию и ушам своим не верил. Говорили о нем так, будто и не рабочий он, приказ подписывает. Давать же, что вчера убились ему и за руку здоровались, смотрят на него сейчас совсем другими глазами.

— Так вот парень кокрут, глазами не верит. Вроде и народ-то все знающими, своей, и все-таки не ост

народ! Другой: суровый, глаза говорит, что газоды в затлок অভিওয়া.

— Выпутри,— думает Асад.— Доиграйся! Дисциплина тут полхостке армейской. Там один командир дисциплины, а ты не умеешь жевать. Выпутри, как пить дади, выпутри...

— А когда закончилось собрание и «кругу» распустили, ушам опять смотреть повелили.

— Поидешь, Гусеонов, в бригаду Андриченко. Согласен!

— Да я что... Я работать буду... Как вы...

И никто больше ему слова не сказал. Асад думал, что на следующее утро подзовет его к себе бригадир, мораль читать станет: кто будет берем тебя в бригаду, а вы... Как коммунисты, как командиры, что исправляете себе надо и что в случае чего дадим мы тебе направление за ворота. Нет, ничто этого не было.

Утром бригадир распределил работу как обычно, как всегда перед сменой. Над чем-то все вместе посмеялись, пошутили. И с Асадом бригадир и ребята обращаются так, будто он с самого рождения в бригаде работает. И поучавляет парень, что не «бузить» ему больше на заводе, что начинается у него какая-то новая жизнь, такая же хорошая— ставая как все эти настоящие ребят из его, Асадова, бригады.

ЧУДЕСНЫЙ ФОНД

А теперь о тысячах рублей, найденных на заводском дворе... Как-то утром на стене вагоно-сборного цеха комсомольцы повесили большой щит. На нем написано:

«РАБОЧИИ КАЖДАЯ ДЕТАЛЬ, КОТОРУЮ ТЫ ВИДИШЬ НА ЭТОМ ШИТЕ, ОБХОДИТСЯ ГОСУДАРСТВУ».

Их эти тысяч надписи прикрепились к щиту детали с протравленными под ними ценами от копейки до десятков рублей.

Сколько их валется по всей территории завода— гаек, болтов, запялек, крышек тормозных букс. Всего и не перечислять! Лежат они под ногами, втаптываются в землю, ржавеют. И так из года в год. Целые кладовые старых деталей! Старых, но годных. Стоят полудше их отмыть, очистить, «подполинить», и опять будут служить оно человеку, и не хуже нового.

Каждая деталь, каждый механизм имеет своей рабочей век. Но беда вся в том, что век этот недопустимо укорачивается самим человеком. Служить бы и служить, как мебель, гайка, а все вместо того, чтобы аккуратно отвернуть, дарят рубят зубилом... Куда лежат махоту пару раз молотком, чем долгот, а с усердием открывают «засидевшуюся» на резьбе гайку. Вот так по мелочам: так бросили болт, так срубил гайку, так швырнули в дом еще не совсем искушавшую деталь... и теряется на рубль, не сотни, а тысячи и тысячи рублей. Эти деньги валются почти на каждом заводском дворе, на каждом производственном участке— не ленится только поднимать...

И вот комсомольцы решили: не имеем мы права лениться поднять государственной рубль, оброненной, но-и не имеем права безальберности, бесхозяйственности. Может быть, кое-кто и скажет:

«Нет, не орчуай! Только на омоложденных» деталей завод имеет теперь запас необходимых материалов для ремонта— СТА цифрами... сто цифри— это громады металлолома и железной швеллы. В партке и дирекция завода единодушно поддерживали замечательное начинание комсомольцев за всестороннюю бережливость экономии: сбор отходов для государства рубль— суммеш сберечь и тысячи,— говорили рабочие.— В большом деле не пустяком. Пустяки выдумывают пустяками.

Я видел, как оброненный кем-то без бережно поднал рабочий. Поднял, отряхнул, спрятал в карман спецовки. А на соседнем участке другой рабочий отдал несколько деталей мастеру.

— Вот, возмите. Нашел в старом хламе. Вполне еще годится.

— А вы знаете,— сказал мне главный инженер завода,— начинаю наших комсомольцев и меня кое-чем научило. Теперь каждый раз, когда прибывает ваг на завод металлолом для ремонта, я его сразу рассматриваю. Да, да, колосок у нем, как дети а песке играют. Улыбаются? А вот я вам сейчас кое-что покажу.

Мы идём с главным инженером на кузнечный участок.

— Вот видите этот мощный пресс? Его мы откопали в металлолом. Установил, наладил. Работает! И еще десятки лет работать будет!

Да, это очень хорошо, что вот этот труга-пресс, раньше положенного отравленным каким-то нерадивым хозяином на покой, опять мы ввели в строй,— как так же, так же сознать, что где-то еще считают такую бережливость «экономией на спичках». Может быть, пресс— случайный, но, безусловно, хороший. Совершенно годные к эксплуатации электрические моторы и еще десятки ценных механизмов «выкушают» работники завода из производного к ним металлолома.

Часто, слушая мои рассказы о замечательном заводе коммунистического труда, мне задают один и тот же вопрос:

— Вот вы, рассказываяте, что построили так комбинат бытового обслуживания, что за все услуги этого комбината рабочие не платят ни одной копейки, что цена на все, производимое нашими силами на общественных началах. Но где же все-таки на это деньги берут? Из какого такого чудесного фонда?

И все из того же фонда. Из фонда, созданного благодаря ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ ВО ВСЕМ. Ни болт, ни гайка, ни даже шуруп не пропадает на заводском дворе. Всегда каждая мелочь— достоинство всего коллектива. А из таких вот на первый взгляд мелочей и создан на заводе постоянный коммунистический фонд, равный старым деньгам 2 миллионан 977 тысячам рублей.

«НА ОГОНЕК»

Кончилась смена. Рабочие приняли душ, переоделись в чистые костюмы. Летние месяцы— время свободное. Не надо сразу же после смены топиться в школу, а тем, кто не будет учиться, уже сейчас каждый третий рабочий уходит). И вот, не выходя за про

ходную, рабочие направляются «на огонек». Так в шутку именуются здесь «комбинат культурного обслуживания»— клуб, библиотека, спортзал. Здесь можно почитать художественную литературу, послушать концерт профессиональных артистов. Для этого не надо куда-то далеко идти, ехать, не надо куда-то толкаться в очереди. Есть желание— выходи из кабинета и слушай, смотри, отдыхай.

— Вам никогда не приходилось видеть выступление нашего коллектива художественной самодеятельности?— спрашивает рабочий клубной организации Вали Гадиев.— Ни один праздник, ни один комсомольско-молодежный вечер не пройдет без его выступления. Знаете ли, на таком вечеру глядят— настоящие артисты поют, читают. Откровещ, глядя— свои же ребята: Тома Касоба, Вячеслав Бошман, Валодья Демичев... Много артистов занимается в нашем клубе: оркестр свой, и драма русская и азербайджанская, и хореография, и вокал...

— Хватает, видно, дела вашему клубному?— спрашивает рабочий клуб.

— Каким работником!— не поная, спрашивает Вали.

— Клубным штатным работником.

Рабочие улыбаются.

— А у нас в клубе нет ни одной штатной единицы. Сам жецет, сам швец, сам и на трубе игрец.

— Все работа только на общественных началах...

ТУРАДИ

Есть в горах Азербайджана птица туради. Легкая, быстрая. Опрыска перье у нее под ветром. Даже самый острый глаз не может ее заметить, если она испу. И движется она легко, плавно.— Билинка не колыхнется, камушек самый малый с места не тронется. Красивая птица— гор королева.

На комсомольско-молодежном вечере конференции объявили:

— Танец «Турради»!

Землри зрители, услышав любимую музыку. Танец вот на-закате услышать можно, как поют горы, как облака звенят, как медленно опускаются на горы вечер, полный чистых звуков, голосов прелеяя завеса. Плясо, будто не слыся ногам пола, выплыла на сцену давушка-птица. Лицо прикрыто легким, как туман в долинах, шарфом.

— Что это такое!— гадают зрители.

А девушка танцует все быстрее и быстрее, слышно полететь к небу хочет.

— Да это же Тома! Тома Касоба— формищица литяного участка!

— И что у нее за душа такая беспескойная! Откуда только на все прелея завеса!

И впрямь удивиться можно. Тамара— капитан женской волейбольной команды. Недавно волейбольный завод выиграл первенство общества «Локоматив» в г.в.е. Тамара, комсорг участка, член заводского комитета комсомола и контрольного комсомольского поста. Да и это еще не все: девушка окончила в этом году инженерский техникум. А вот сегодня она же и балерина.

— Беспескойная!— тепло говорят с ней товарищи.

И в этот год, в этот вечер, своим душой, должен быть членом коммунистического завтра...

Фото В. Тюкеля

ВСЕГДА ГОТОВ!

ALL READY!

TOUJOURS PRÊT!

На разных языках говорят эти ребята, разного цвета у них кожа, и приехали они сюда, в Советский Союз, из разных стран. Но они носят пионерские галстуки. Каждый галстук — маленькая часть огромного славного знамени рабочего класса всех стран и народов, знамени трудящихся. И потому всех пионеров, отдыхающих в международном пионерском лагере «Артек», будь то немецкий школьник из ГАР или дочь эфронского крестьянина, советский пионер из Рязанской области или итальянская девочка из Милана, — всех их сплачивает большая, настоящая дружба.

Ежегодно на Южное побережье Крыма съезжаются юные гости из многих стран мира. Здесь их ждет благодатное солнце, теплое и ласковое море, увлекательный и интересный отдых. Туристские походы, гребные прогулки, футбольные и баскетбольные матчи, авиамоделизм — все это для юных энтузиастов, спортсменов, любителей техники и природы. И, уезжая отсюда, пионеры зарубежных стран увозят на родину самый лучший подарок, который остается на всю жизнь, — пионерскую дружбу.

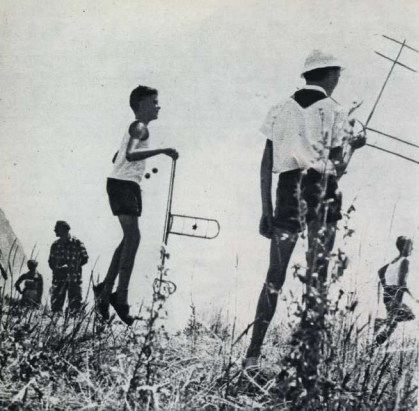

— МЫ ДРУЗЬЯ! ХОРОШО?
— ДРУГИ ВАРДЗО ДОВ-
ЖЕ!

ХОРОШО У ВАС, В СТРА-
НЕ СОВЕТОВ!

← ВЕСЕЛЫЙ ПЕЕЗД ДРУЖЬЫ.

АВИАМОДЕЛИСТЫ НА СТАРТОВОЙ ПЛОЩАДКЕ (верхний снимок).

А НУ НАВАЛИСЬ УТРАМ-ВУЕМ ЗЕМЛЮ, ЗАСЫПЛЕМ ГАРЕНЕ ДОРЖИКИ И СЕКТОРЫ — БУДЕТ У НАС НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ В ЛУЖНИКАХ (средний снимок).

НЕ ВЕДА, ЧТО ВМЕСТО ФЛАЖКОВ У СИГНАЛЬЩИКА В РУКАХ ДВЕ ПАНАМЫ. ТАМ, НА ВОЕННОМ БОРЬБЕ ПРИИТ ПЛАМЕННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ. (нижний снимок).

С туга на дворе... Сверньгу намело... Сверньгу вошла со двора и на оно показывает:

— Кто-то там к тебе, Гея. — Может, почталось? — И Евгения пригляда к стеклу. — Нет, девчата какие-то, видать, приезжие. Выбегу повозу.

Выбежала Евгения во двор, а их там пятеро стоит. Одну она узнала: из обкома комсомола девушка, — остальные незнакомые. Три с узелками, а четвертая с фанерным чемоданчиком. Прижалась друг к другу, носы у них повисли, хуляют себе на руки. Две совсем на школьные походы.

— К вам на учебу приехали. — Инструктор обкома указала на девачат.

Вспомнила Евгения Олесковна комсомольскую областную конференцию, на которой обратилась она к молодежи с горьким призывом:

— Молодые мои друзья! Давайте будем работать так, чтобы к нам приезжали учиться из других областей, из других республик.

Поднялся в президиум секретарь обкома.

— Евгения Олесковна, сначала нам самим надо подучиться. Так не согласитесь ли вы открыть у себя в артели такую школу? Так и назовем ее: «Школа Евгения Долгиков». Или: «Школа мастеров высших урожаев кукурузы». Согласны?

— Нажила я себе хлопот, — под общий смех собрания ответила Евгения Олесковна. — Но мне такие хлопоты по душе. Приезжайте, мои сороси! Что умею, вам передам, чего не умею, тому вместе выучимся.

Вот и приехали первые ученики.

Учеба началась в клубе, в кабинете агротехнической культуры.

Почти каждый вечер собиралась Евгения и ее ученики в агротехническом кабинете. Приходил туда и агроном Иван Михайлович. Агроном он молодой, но толковый, любов к земле ему, наверное, с малых лет отец с матерью привил. Не боится Иван Михайлович за день километров двадцать отмахать! Про него Долгиков рассказывала своим девчатам:

— Бывало, летом придет утром на плантацию, а Иван Михайлович уж ходит по участку. Вдохнет, встанет на одно колено в росу, разроет руками землю вокруг себя, поднимает корни, в другом месте проверит. И наавтра придет. Расприпавает про семена: где сберегали, какой был процент всхожести, в какую землю свелит Шарит, ширит в земле, пока не найдет причины слабости кукурузы возле дороги. Растолкует нам, почему так получилось, посоветует, какие веры приваить, чтобы поднялись, выровнились слабые стебельки. Вот он каков, наш молодой агроном!

Ходили девчата от диаграммы к диаграмме, смотрели, у кого училась Евгения Долгикова. Брели белые пакеты, завешивали их в руках.

— Это наш сорт, нами выведенный, — объяснила Евгения. — А начали мы с двух початков, подаренных нам Марком Озерным десять лет назад...

ШКОЛА БОЛЬШАК

Василь БОЛЬШАК

«Привалом поставляет украинская зеньвевая Е. А. Доложенко когда они учат людей, как надо работать. Она пригласила группу молодых девушек в свое здание. Девушки работали и учились. Такая наука очень помогла. Вы слышали выступление пензенской зеньвевой комсомолки Люба Перегудова, которая училась у тов. Доложенко. Сколько Люба, сколько вы собираете зерна и кукурузы с гектара!»

— 26 центнеров.
Вот видите, впервые взявшись за кукурузу в условиях Пензенской области, Люба собрала 26 центнеров

зерна с гектара, а сейчас обещает получить 40 центнеров с гектара. Молодец, Люба!

Нам надо лучше изучать южную, богатую практику колхозов и совхозов. Может быть, следует создать какие-то курсы для бригадиров, зеньвевых, для трактористов. Пусть люди поедут в свои совхозы и поработают непосредственно в поле, поучатся у нас.

(Из речи товарища Н. Х. Хрущева на совещании передовиков сельского хозяйства областей Центральной черноморской зоны РСФСР в г. Воронеж 11 февраля 1961 года).

С тех пор звание Дюлницкое слово завойовало.

Ученицы оказались на редкость любопытные. Так и задавали вопросы зеньвевую:

— Когда мы начнем сеять?

— Можно так гарантировать урожай, выполнение обязательств?

Евгения Олесковна посмотрит на агронома, а тот оборонительно кивает ей: рассказывает, дескать, Олесковна, рассказывайте... И она рассказывает:

— Я работаю в зрелые десять лет, и всегда у нас хорошие урожаи. Не приходится еще нам вредить со стада. Было то так, что Овчинный нас обманывал или Антонина Григорьевна Еременко. Она нас дважды обогнала, но урожаи у нас каждый год был хороши. Мы всегда умели держать свое слово. А почему? Потому что мы свое дело знаем. Как доктор — человека, как инженер — машину. Знаем, в чем нуждается зерно после высева, чего хочет еще из окрестий, какой стебель, какие потребности у початка, когда он только еще завязывается и когда вот-вот должен созреть, из молотого-носкового продукта перейти в воздушную, а далее — а спелый початок... Вы спрашиваете, откуда мы знаем, по сколько соберем с гектара. Угадываем? Пожелание, а осенью все становится, как по шумному велению? Или, как говорили некоторые люди в трудные годы. Доложенко дядько! кукурузу раститесь? Нет, девчата, мои милые, не дядько, а руки наши, наши учителя растут кукурузу.

Возьмем такой пример. Ежегодно мы даем земле суперфосфат, селитру и другие удобрения.

Для чего вносим суперфосфат? Чтобы початки крупнее и наливаться. Мы вносим в грунт и селитру. Спросите: что дает селитра? Селитра дает растению рост. Вот так, мои милые девушки, каждое дело, и которое не берешься, надо хорошо знать. И тогда ничто тебе не страшно. А главное, нужно верить в свои силы. Если нет у тебя веры, лучше не браться... Вот так. Если же есть у тебя вера в любое дело, то всегда будешь на коне...

На коне... У девчат дрогнули губы в улыбку. На днях они видели в областной газете свою учительницу: сидит она на резвом коне, только конь не обыкновенный, а кукурузный... Конь вертел удила, стремительно мчитсь вперед. Но всадница цепко держала повод и не страшится стремительного дика коня...

Много интересного и полезного

узнали приезжие в «доложницкой академии». Читали для них лекции и ученье областной опытной сельскохозяйственной станции и специалисты из района.

После лекций шли в поле, чтобы своими руками сделать то, о чем слышали на занятиях.

— Толк от занятий только тогда будет, — говорила Евгения Олесковна, — когда не только будешь слушать, а смотреть, а и сам до нота поработать.

Вскоре начали возить на поля удобрения. Мороз здорово пощипывал, снег скрипел под ногами. Приезжие приглаголивали, дядя да саямаки, а зоводило Попела Дюлницкое к председателю артели:

— Плохая ододежка на девчатах, не ожидали, верно, что и у нас зима бывает. Что-нибудь придумать надо, помочь.

Одели гостей, обули. Дело пошло веселее.

А работы у Дюлницкое и зимой хватает: то снегозадерживание, то удобрения возить, то початки дуть, семена к севу готовить, на влажность проверять.

А вечерами любили девчата петь... Шел как-то бригадир Григорий Иванов Шипковский мимо хата, где молодые собирались, услышал песни, зашел на огонек да и говорит:

— Э-э, да а никак попал в Дом культуры! Смотрите, как полагается, а кто только себе голову, где бы мне хористок найти, а они вот где, оказывается, готовенько, голосят! Завтра все в клуб пожайте, — то иди привала, то иди попроси руководителей клубного хора.

— И мы? — спросила Маруся, кивнув на Любу, Зину и Тосю.

— Не лгунам, Маруся, нас в первую очередь приглашают. Будете учить наших девчат русским песням.

И переманил-таки Шипковский всех в клубный хор. Доложенко пропозвал такой случай. Секретарь артевной комсомольской организации Стася Ивалцук ставила на комсомольский учил Марусю Овчинникову и Зину Горуну.

— А Тосю разве в комсомолку? — удивилась Стася.

— Нет, и Люба Перегудова тоже... — сказала Маруся. — Они еще совсем молодые.

Позвала Стася, а потом говорит:

— Придет время, заслужат — примем и их...

Пришло такое время. Собирались приезжать в комсомол Любу и Тосю. Сошлись парни и девчата. Да не одна молодая. Пришел Шипковский.

— А вы зачем пришли, Григорий Иванович? — шутили хлопцы. — Заявление в комсомол принесли?

— Мне-то уж поздно, — выдыхал бригадир. — Интересно посмотреть, как будут принимать моих хористок...

Началось собрание. Прочитала Стася заявление Любы.

Пуская биографию рассказывал — крикнул кто-то из парубков:

— Вышла Люба и не знает, о чем и рассказывать. Ну, родилась она в Мало-Сердобинском районе, ну, семилку закончила, невозможно в колхозе работала...

— Да какая у меня та биография, ребята! — неожиданно прервала она сама себя. — Настоящая моя биография начнется после того, как я поработаю в зрелые Евгения Олесковна...

Разве не так?

Ну и Люба! Уж и хлопали ей парни и девчата, особенно парни! Дали Любе и Тосю комсомольский билет — у каждой билет повести в свои край и не держат под судом, а распространять на всю область.

Но это было уже осенью... А летом, как и все тридцать лет, так сеять, приводить в порядок участок. А это не так просто. Делают, к примеру, подкормку в зрелые — так надо знать, когда кормить, чем, какую смесь под корень или. Надо не только в блокнотик записывать, но и сделать все самим. Дополнительное опрыскивание — все своими руками...

Трудности были. Хлопоты увеличивались. И хотя тракторы помогали, все же и для руды оставалось немало работы. Пасынкование, а также и дополнительное опрыскивание кукурузы не ослабевали, ни в зрелые и бурьян в гнезде у корней.

«Летняя страдающая пора. Поднялся кукуруза, да какая! Густая, темная, сочная. Смотряешь на поля и то, что кажется тебе, не на самом деле растение наливается у тебя на глазах...

Стоят девушки с Евгенией Олесковной посреди поля и смеются от радости. Да и как не радоваться, когда взошла под вечер комашка, так и ходят волной, бьются свежей и влажной листвою о босые ноги!

И вспоминаются дни, проведенные за учебниками, дни, когда начинало в бригадах переименовать опыт Евгения Олесковны Дюлницкое.

Не зря прошло время. Растения кукурузы, как советские подкавылки, Борозовали и рыхлили, разрыхляли, поливали... И еще раз полили. Как пчелы, возились у каждого стебля.

И вот наступил день, когда закончилась учеба молодых зеньвевых в школе Евгения Дюлницкое. Торжественным был тот летний день. Евгения Олесковна сама вручала дипломы девушкам.

А вскоре после сбора кукурузы прибежали девчата к своей зеньвевой встревоженно:

— Мамочка, нас уже домой вонут!

В контроле подсчитали почти годичный их заработок. Итоги огласила зеньвевая:

— Заработали вы деньгами по четыре тысячи пятьсот рублей каждый.

А еще им начислили сахару, орехов, винограда и вина.

Вечером по случаю проводов учениц Евгения Олесковной был устроен для нее торжественный вечер. Сошлись чуть не все село.

В тот вечер пели, как никогда раньше. Звучали в клубе «Співаночки мои», «Рибина и много других украинских и русских песен.

А потом были танцы. Танцевали все.

Только Евгения Олесковна сидела в сторонке и неважноими глазами смотрела перед собой. Уж так расстронисалась. А девчата танцуют-танцуют, а потом прибежут, бросятся все четверо на грудь к своей учительнице и плачут.

— Приезжайте еще, встречники, — приглашали колхозники любознанными им девчат. — Не забывайте, чему научились. Применяйте нашу науку у себя на поле.

— Приезжайте и вы к нам. Мы тоже любим гостей принимать. По русскому обычаю...

Вскоре в Боршювщинку начали приходить письма от Пенлы от Любы Перегудовой. Полетела письма и в Пензу. Полетела и песни «Подруге милой из России». Кто ее сочинил, неизвестно, только красавица песня получилась!

И несно в дали голубые. В твои далекие края. Любе, поздравляю из России. От Борчу шлю с приветом я. И жду тебя в село к нам.

Гречиха здесь — медовой цвет! Идут работы в зрелые. В мае счастливый двадцать лет.

Не нарадуется теперь Дюлницкое на своих учениц: вырастали они лучшей урожай по области.

«Возвращая это радость — расцвет урожай, людям добро приносит. Но вдвойне тебе радость, когда и ученики твои просят родную землю высокими урожаями. Кажется теперь Евгения, что у нее не было, а сочинил тысяч работников руды, и все они о земле родной лелеют, возвещают ей, славят...

1 Дядько — черт (заявляется).

СКАЗКА

В далекие неведомые страны, в дремучие леса, за высокие горы и далекие моря вводит своих посетителей эта волшебная комната. Хозяйка этой комнаты — уральские пионеры, а называется она — «Комната сказок». Каждый пионер и школьник, пришедший в Свердловский Дом пионеров, с удовольствием заходит сюда. Стены здесь, расписанные талантливыми мастерами Палеха, говорят о парне-лягушке, об Илье-Муромце, о сером волке и Иванушке-дурачке. Посмотрите, с каким увлечением читает третьеклассница 3-й свердловской школы Тана Кунина одну из своих любимых сказок — пушкинскую...

ИДЕТ НАПРАВО — ПЕСЬ ЗАВОДИТ.
НАЛЕВО — СКАЗКУ ГОВОРИТ...

ТАМ НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ
СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ.
ИЗБУШКА ТАМ НА БУРЬНЫХ БОЖКАХ
СТОИТ БЕЗ ОГОН. БЕЗ ДВЕРЕЙ...

ТАМ РУССКИЙ ДУХ... ТАМ РУСЬЮ
ПАХНЕТ...
И ТАМ Я БЫЛ,
И МЕД Я ПИЛ...

Фото В. Тюккеля.

У ЛУКОМОРИЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ;
ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ НА ДУБЕ ТОМ
И ДНЕМ, И НОЧЬЮ КОТ
УЧЕНЫЙ
ВСЕ ХОДИТ ПО ЦЕПИ КРУТОМ...

ТАМ ЧУДЕСА: ТАМ ЛЕЩИИ
БРОДИТ,
РУСАЛКА НА ВЕТВЯХ СИДИТ.

И ТРИДЦАТЬ ВИТЯЗЕЙ
ПРЕКРАСНЫХ
ЧРЕДОМ ИЗ ВОД ВЫХОДЯТ
ЛЕСНЫХ...

Поселок Китовой, единственный на острове, насчитывал десятки три домов, включая службы и складские помещения. Он примыкал к узкой крошке берега, за века отовсванной Охотским морем у литых вулканических скал. Они нависали над строениями грозно и внушительно, хотя не судились обрывать: по расселинам и выступам камня крепко свисал вековой кустарник, вьшаясь в самые щоры породя ирняя трына.

Поселок нравился Ольге своей живописностью. Когда случалась шторма, вода заливая, носщего имя английского путешественника, становилась зеркалом гладкой, и в ней отражалась заросшая кустарником омадышкой обрйа, вы, дельный вулкан, как гранитным ожерельем, схваченный у кратера буртоками шалаков, трыбы китоконбината...

Говорили, что пограничники с дальних застав отъезжали в поселке с явной завистью и вожадением: «О наш Сигнаур!»

Народ в поселке подобрали самыми крупногбаритными, хриплогогосый. Эти парня, знающие себе цену китовым, немножко рисовались своим делом, близостью к морям и океанам, довольно большими в разгар сезона заработками. Они отпуская дурные оладские бороды (правда, не все отпуская). Из дурнофорские слюны была подбита острвами шпями, чтобы не поскользнуться на салне.

Этими шпями они позирали острвную землю и плаы обиделити. Ольга почув физически ощущая их толкот в стальной, где работала: шпы вознался в дерево лубоча и выходяли со скрипом, дробя цену...

Ничто в поселке ее особенно не удерживало, могла бы уйти к рыбакам, с которыми работала зимой, но она и приехала-то на остров, как в отпуск, чтобы отдохнуть от бешен, от пронзительных ветров, от сырости. Кто-то уезжал для этого в Гатру, а для кого-то, может быть, хорон и маленький клочок земли, затерянный в середине Курляндской трыды. Она пришла к этой трыде, бессмысленной работе с детства, здесь она тоже работала. И, кроме того, жалама Геняидна...

Геняидна недавно окончила университет. Он не спрашивался сюда, на Курдыл, но и не гулялся во все тяжкие до инстинктивна, чтобы остаться к этой трыде, по крайней мере, предполагалась обширнейшая практика. Здесь было чем заняться инспектору по рыбо- и китвалюру.

Ольга не сразу обратила на парня внимание: она и так ходит в сломовой. Но он высок, без ашкетта ея. Конечно, выбора особенно не представлялось: консервы, да и то большей частью свиная тушенка...

Однажды она не утерпела, подошла к нему. — Хотите, я вам заважу калмары? Я вам сама его сделаю. Хотите?

Геняидна пошла к нему. У него были светлые, чуть с белой каймой глаза и очень бледное лицо. Вороних форменного китеала отчеркива на тонкой nose красную полоску. Чем-то этот паренек напоминал ей очень бледного мальчишка, которого она встречала в первые дни ливингтонской бланды. Он был высоким, тот мальчик. У него была даже борода. Его худощавое лицо с прощивающей кожей почему-то навсегда врезалось в память как прелестное и горькое видение смутного, розового, сразу ставшего тяжелым детства.

Витно и с удовольствием выговаривая слова, Геняидна упорно смотрела на нее:

— Пусть его кашалоты едят, вашего калмара.

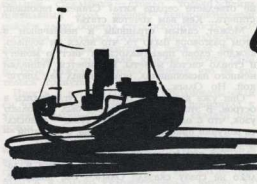
— Почему же кашалоты? — обиделась Ольга.

— Они от такой еды набирают в весе. Это их любимое лакомство. Но — увы! — не мое... За соседним столиком китобороботчики шумно доделали отивную вермишель, вспомяная при этом давнюю половку.

— Ну, забуряны мы два по двести и еще лампанского, — как пшель, гудела доловгый человекина с рыжей бородой, — показались мало...

Понравилось подползука его. — Что вспомнить? Ты бы пошла к ней, к Олахе, у нее в заглашине должно быть. Какая же она буфетчица, если не пришла, чем горю промочить морскому человеку!

Леонид ПАСЕНКОК

Рассказ

СЪЕШЬТЕ СЕРДЦЕ КИТА

Дологовзый отозвал Ольгу к буфету, ощущая глазами ее грудь, отгнутому котчиной из декоративного шпела.

— Какая ты сегодня... как бы это выразить... нарядная. Вся в цветах. Гм... — Он растопырил пальцы до размера стопки. — По маховойкой по случаю хорошей погоды, а? Неужто не найдется для таких красавиц?

— Это в магазине, — жестко сказала Ольга. — Не продают в магазине, — сокрушено качнула головой борода. — И у тебя, значит, сухой закон?

— Значит, сухой. — Небось, своим... из-под воды... Ольга смерила его презрительным взглядом — от рыжей бороды до разнопенных сапог.

— Небось, своим — конечно. Детства рассердил. Он обледел себя и заруг пшель, подождала пшель, как увелишаяся половина прыганка. Казалось, он вот-вот выкинет этокое колечко, этимким чертом проядется по столовой.

— Да в мои-то годы... с моим туда-сюда — и сухими консервами даться! — — Ничего, Витенька, — усложнила его Ольга и засмеялась, — не удивляйся. Не такая у тебя телесная конструкция.

И, оставив обескураженного китеалоу, Ольга подошла к столу Геняидны. Он смотрел на нее все так же внимательно, чутьюк даже нострыло.

— Она протриворала, как бы оправдывалась. — Вот уж безобразная! Наш трюг заваз сюда на миллион рублий вина и всего лишь на трыста тысяч продуктов!

Геняидна искренне подивилась:

— Что вы! Но ведь и пшель не вышло!

— Это потому, что вино проданот по субботам и воскресеньям. В такие дни имх хоть трыда трыда.

— Да, да, верно... Геняидна повернулся к ней вмести со стулом, глаза его зало блеснукали. — Но ведь же кто-то протриворать. Бить трыноту, что ли... Как же можно молчать?

Ольга пожалла плечами, осторожно вьзала вьлаку из его руки.

— Вы думаете, это просто? Там, на материке, были свои расчеты, балысы. И хотя я человек маленький, я тоже выступала, когда было профсоюзное собрание. Да что толку!

Ольга понимала, что говорит неубедительно. Не может быть такого «балысы», чтобы вместо качественных продуктов массовые пруды ложились в плодотворное дасирное вино, спирт...

Поняв несостоятельность ее полуправданий и Геняидна. Чтобы вывести Ольгу из затруднения, он покорно сказал:

— Ну, несите вашу каракатицу. А то я действительно проголодался.

Как-то он заглянул в столовую перед самым закрытием.

— Подозннее вы, — сказала Ольга. — Что будете есть?

Он загнула пальцы в русые вихри, взметнувшись над бледным албом, и грустно посмотрел мимо.

— Кабачки, нарезанные кружочками, консервированный гулш, окуп, отварной рис. Еще комют... И это все?

— Вы пропустили сердце кита. Съешьте сердце кита.

Геняидна синксотеломно усмехнулась. — Когда-то, сразу после войны, я ела китовые консервы. Взяла, тогда они мне показались вкусными. Время было такое, что ли...

— Он воспринимательно покачал на девчунку.

— Наверное, время, — согласилась Ольга. — Но сердце кита — это на самом деле очень вкусно! Вы только попробуйте — вас за уши не оттянешь.

— Он недоверливо спросил:

— А вы пробовали?

Ольга покраснела и ругла у нее покраснела, и она пошпино сунула их под передник.

— Нет, не пробовала. И пусть не покажется вам это смешным. Я всегда считала — не знаю, почему, — что это еда мужчин. Что от такой шпери у мужчин должаы проявиться черты мужественности, какие-то положительные качества... Она спохватилась. — И не кажуся вам странной?

Наскожидно инспектор раскототался.

— Вернее за много дней Ольга вьзала, как Геняидна смеется, какие у него ровные, чуть темные от табака губы, какие он, в сущности, простой и безобидный.

— Кажется, ей-богу, кажется и странной и смешной. Но сердце кита после такой рекламы и откровенно обьектавало. Пусть адут порядно побольше. И потом... и потом, вы не откажетесь побородить со мной? Вальд поселка, по берету...

Она пожалла плечами: пожалуй! Но глазами сказала больше: да, конечно, с удовольствием!

Терпя равносие на обьабданных прибоом клянк, локчавшись и обьадывая, она ирвые шла у самой воды, не глупая ее отлаккивачей окраски, ее мурного запаха, не затыкая уши от наядсидного крика гулшпей.

Она толмао сказала:

— Ну и душно!

— Представьте себе, — заметил Геняидна, — что мы должаы быть благодарны этим надоедливым гулшпам. Обьакая внутренности

кигтов, они, как маховик, но мощные силоваторы, перерабатывая в сутки до пяти килограммов резины этой требуй. Каждый! Без газупной мы, наверное, задыхались бы...

— Я им благодарна, потому что покорила Ойла.

Имен такого вида, она с любовью ходила по салу. Салт был покрыт китовым, смешанным с кровью жиром. Чтобы не поскользнуться, приходилось держаться за руку Геннадия.

Он почти силой заставил ее влезть в разверстанный вост китовый шерстяной, покрывший костями ворсом, и щелкнул затвором фотоаппарата.

— Любая девушка позавидует такому салу.

Ольга сдвинула с плеча невестку окуда висящее итншюкю.

— Пустъ приезжает сюда,— заметила она резко.— Ведь любой девушке это доступно.

Потом их без церемоний прогнали, а они набравши издала, как на степь, хвосты очередной жертвы был заброшен строп и вся туша деловито, без рычков, попалаза вверх по салу. Финанс весь процесс разладки кита — буйбу, вообаше, сейчас был каппалот с кожей, как луповая кожа, с рычком, похожим на обрубок бревна,—показался неспешно к берегу по быстроте и по красочности зрелищем.

Засверкала в воздухе дымные и острые, как скеря, фальшивые волны. Вот уж подражала голубу кашалоту, и масляной струей хлывнула кровь, и тот самый дымнозвонкий «Витнепан», с которым спорила Ольга в столовой из-за вина, зычно крикнул:

— Вира голову!

И лбаща с помощью трюса легко отвернула голову кита.

— Вира сал!

И трюсы с хрустом (хот хрустит стелый арбуз — испортившийся) отодвинули громадные капы сала, обнажив слой жиу, крест-накрест, подобно грубоканному полотну, опоясавших туловище.

— Вира мисо!

И кровавые многопудовые куски его тотчас были откнуты в сторону.

— Раньше я не могла смотреть на такие вещи без содрогания.

— А теперь?

— Теперь! Ну, теперь я даже вижу определенную картинность, будто все это пишется кистью старого мастера, какого-нибудь обжоры...

— Обжоры-фламандца,— согласился Геннадий.— Удачная характеристика. Да, но парню как же! Этакая глупа — и они ее раскормили буквально за несколько минут! Красиво, слаженно, легко!

Ольга отвернулась и пробормотала:

— Блابلбонсы.

— Что, что вы сказали? — засмеялся Геннадий.

— Я сказала: блابلбонсы. Это у Ственсона, кажется, в «Острые сокровища» есть такой пират, которого хвятила в конце концов уадр.— Блابلбонсы. Посмотрю я вот на дымный парней и выхожу одно только для них слово — блابلбонсы. Один их пиратские борюдки чего стоят! А вот тот верзала, с которым я, помнится, в столовой повздорила,— он у меня Главный Блابلбонсы.

Геннадий умятулся, потом вымурлыкал.

Он был высокий, даже чересур, Ольга смотрела на него снизу вверх.

— Они, мне кажется, не заслуживают подобной «классификации».

— Грубые они. А это, как известно, никому не должно прощаться. Ничто не может оправдать в человеке грубость.

— Ну, знаете...— Геннадий поднял голмы и шпырнул его далеко в море, туда, где бурная вода сменялась с белесой, чуть зловонной той.— Тогда можно поискать более благовопитанное общество. У меня, скажем, служба, необходимость. А у вас что? Почему вы здесь?

— Не знаю, почему. Я их, должно быть, люблю и таких, этих смешных блابلбонсов. Я им говорю: ешьте сайру, потому что в ней много железа...

В тот ей Геннадий добавил:

— ...ешьте кита.

— Ешьте сердце кита! — не желая замечать насмешки, убежденно отозвалась девушка.—

И пусть вопитает ваш организм больше железа, фосфора, йода, пусть вопитает и усюнет столько, сколько положено, чтобы стать сильным.

— Да. И вы превратитесь в голифоров, в былинных героев.— Геннадий оставался, и резко провнуцал его словами.

— Ну, предположим. Но почему вы сами не отдадите сердца кита? Станете героиней, станете... Кем вам хочется стать?

— Может, самым обычным и необычным в этом разговоре было то, что вселся он всерьез, каждый слово принималось за чистую монету и стояло чистой монетой. Разумеется, Геннадий немного намешивал, подтрунивал над девушкой. Но Ольга...

— Они уже выжили из поселка и утабузились в остров. В этом месте переюшек был настолом узок, что с одной стороны — глуше — домосла с могучий прибой Тихого океана, а с другой — явственный и чаще — Охотского моря.

— Так кем же вы хотите быть?

— Вы задали большое место,— нехотя и далеко не сразу сказала Ольга.— Вы, наверное, знаете, что я была в блокаде?

— Слышала от вас же.

— Потом все выжили, в конце концов мы отступили с мамой на Кубани, но все-таки попали там в оккупацию. После войны я работала в колхозе зынейвой — наполювину еще горожанка, наполювину уже крестьянка. Уж не знаю, характер и показала или бесхарактерности — скорее последнее,— но я ушла из колхоза.

Геннадий сосредоточено дымла шпирсовой.

— Скажете, это плохо, что я ушла в буфетчица, в повара?... Скажете, плохо?

— Он ничего не мог сказать. Он нервно передернула плечами.

— Но вот послушайте, как это получилось. Я ведь тоже была в те годы боевой. Малень-

шекую прическу носила, когда ее никто еще не носила и мода такой не была. Привлекла я на Камчатку, чтобы доказать что-то самой себе, именно самой себе! Завлилась в управление тралового флота. Увидел там меня капитан один. Оборо, говорит. Хочешь кокаин? Кокаин возьми. А больше меня никто не брал. Что было делать? Сказала: хоту. Сказала и не жалела. Меня еще мама кое-какой куинарины ушала, пока была жива. У нас семья до войны была известная. Папа — доктор наук, за границу ездил. Короче, умел в нашем доме готовить, только я это плохо помню, мне, должно быть, куинарины способности по наследству передались. Я рыбакам — не верите? — как залучу фаршированного осьминога с шоколадной приправой, что тебе в лучших домах Парижа и Барселоны. Пожалуйста! Или жареную ломтиками каракатицу, запеченную в тесте. Мои едоки пальчики облизывают. Не верите?

— Почему, верю,— сказала Геннадий. Он вспомнил, что уже бл каракатицу Олмыного приговаривал, хотя и не запеченную в тесте; не собири она ему заранее об этом, он принял бы блюдо за какой-то неведомый деликатес.

Ежесд от вечернего тумана, Ольга глуховато и монотонно продолжала:

— Иногда мне кажется, что я не нашла своего места в жизни. А иногда я, наоборот, убеждена, что вот оно, мое место: море, судя, лупучие и берестовые китобазы, и это мое общество — именно эти вот, во многом неустрашенные люди, и что с ними я должна бороться против их же, и что с ними я должна дружить. Правда, последнее у меня не всегда получается. Это потому, что я злая!

Она не заметила, как возвратилась в поселок. Стало ветрено. Еше ниже пах туман. Лампочки на столбах расплывались мутными пятнами, они как бы висели в воздухе сами по себе,

подобно беслым солнцам, объединенные от себя привачено. Точно же журналы вода—она срывалась со скал, божья между корнями омынника—родниковая и со снежных запад, которыми нестрои окрестные сопки. Этой водою был жив поселок, люди направили ее в трубы, разогнали по колодцам, по где она оставалась свободной, там продолжала пить свою постоянную, никому не поддающуюся меланхолическую кисмю.

Уже через неделю Ольга знала уже разных разностей о китах. То есть она и сама могла бы кое-кого проследить насчет того, что самое чудесное сало у пингвинов котлов ушное, содержательнее как бы в мешках вокруг ушных раковины: оно не дает запаха рыбы, на нем можно жарить не только мясо, колотыля, но и хворост, сдобу. Она знала, что в августе сейчас идет много рыбы, и мясо у нее в эту пору пахнет ею, а вот кашлат потребляет преимущественно головастик моллюсков, и сердце у него нежное по вкусу. Ах, да что там, был бы только кит свеженький, кондиционный.

Но для Ольги было новостью, например, что в конюшней пищевой муке, получаемой после перемала костей и мяса, содержится до шестидесяти процентов белка и килограмм такой муки стоит дороже самой лучшей пшеничной.

В чистом виде никакая тварь ее не станет есть, но если добавлять понемногу в корм, у птиц увеличивается яйценоскость, у скота—прирост мяса.

Геннадий сказал, что недавно Швеция хотела купить у нас этой муки, но ей пришлось отказать, потому что вся она разошлась на внутреннем рынке.

В общем, о китах через неделю она знала все или почти все.

Через две недели она знала кое-что и об

испекторе рыбнадзора (он был неразговорчив и скрытен) и даже смотрела у него коллекцию раковины, а заодно и множество стереофотографий.

С этой диковиной она столкнулась впервые. На особой подставке Геннадий ребором к ребру захрипел два ускаловатых, с плоскостным изображением фотографии. И в увеличенном стеклышке—стояло только найти правильный угол зрения—невыразительный пейзаж вдруг обретал стереоскопичность, в фотографии появлялся глубина, многоплановость, деревья, кусты, камыши у реки как бы зашевелились и задышали, каждая веточка сама по себе, каждая настолько живая, что ее хотелось тронуть рукой.

Иногда и пустяк способен изволдовать, если он что-то говорит сердцу. Ольга повернула к хозяину раскрывшиеся альб и сказала шепотом:

— Здорово, правда? Вы молодец! Вас все интересует.—Оробев и как-то ступившийся в непривычной обстановке, она внимательно посмотрела вокруг.—И книги у вас какие разные! А и только художественные читаю да еще по куварины...

Геннадий тоже оробев: в том, что он увлекся стереофотографией, не было никакой сложности, никакой застенчивости.

— Хотите, я вас научу.

Она испуганно округлила глаза и замотала головой.

Геннадий поспебно уточнил:

— Это очень просто, Оля. Главное—найти точку съемки, и потом от точки...

— О-ой, не надо-о,—жалобно протнула она.—Я ведь все равно ничего, ничего не пойму. Это вам кажется, что просто. Я же вижу, что вовсе это не просто.

Ольга побывала у Геннадия один только раз, любопытства ради. Правда, они часто прогу-

ливались. Но жалко, что вечера были туманны, что белая мгла окутывала все вокруг—каждую живую душу, каждый беслазный предмет—лишь и платно, будто в воду улавливая.

Но бывали другие вечера, бывали иные ночи. Бывали ночи, когда почти натуральная луна Куинджи, наперекор всему переключена сюда с Дюны, висела в ненатурально высоком, обильно звездном и звездном небе.

После кино в одну из таких ночей Ольга немного постояла у своего дома, обозревая пригитхских, как бы вросший в берг комбинат, о чем-то помечтала и ушла спать.

Раньше ее ласкал стук и олово. «Геннадий»,—подумала она и, запихнув на груди простынку, белая, как привидение, пошла к окну.

Точно, это был он. Несколькими секундами Геннадий невозможно вглядывался в окно, будто увидел в нем нечто непривычное, поразившее его до немоты. Потом помысла подумать: выйдите, мол...

Ольга торопливо оделась и вышла.

— Грешно спать в такую ночь.

— Да, вам можно говорить. А мне с раннего утра на работу.

Он перешептало кашлянула и потонула в мeste.

— Сейчас, в окне, за темным стеклом, вы показались мне геммой, отгиснутой в драгоценном черном камне.

Ольга помолчала, вздрогнула от озноба. Ей приятно было эти слова Геннадия, хотя она и не знала, что такое гемма. Она была прямой девушкой, и она сказала:

— Я не знаю, что такое гемма.—А когда он обрывается, добивая:—Так бы и говорил, что брешь, Гемма. Красное слово. И еще эта, как ее, камея, да. Но только какая же я вам гемма?

Они побрели куда-то к морю, изредка, в такт шагам, сталкиваясь плечами. И эти молчаливые шаги и эти нечаянные касания плеч были весомее, значительнее, определеннее слов.

И ночь действительно была хороша, из тех, каких выпадает на долю острова один-два...

Теперь скалы и небо разграничивало уже не откровенно строгое серебро, как поначалу, когда луна висела низко, а оправдана золотит, искристая, заблестевшая. С этих скал, от этого неба исходили могучие токи воздуха; дневную вонь они прижали к воде, отодвинули в море—и чудовищно запахло освещенными клеимыми листьями ольхи. Этот запах способен был лишить разум в той же степени, что и какая-нибудь благовония благодатных почв мята или матiola.

Геннадий резко остановился и резко повернул к себе девушку, запрокинул ее лицо.

Она вывернулась, больно отпирала его пуговицей подбородок.

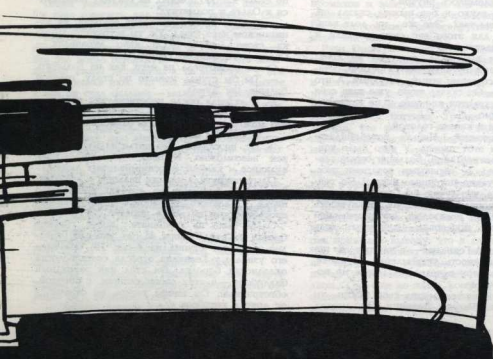
— Это вы зря, Геннадий,—сказала она тихо и как бы даже без осуждения.—Все-то вы испортили. Решительно все!

Ей почему-то стало так обидно за то, что испорчена ночь, что испорчена луна, что только по скалам, с этим ошенившим и терпким запахом ольхи, с причудливыми бабами вкривь и вкось нагроможденной лавы, стало обидно за него. Вздумалась ему—взя, повернула, помел деловито, будто она какой-нибудь столб и неудачливый, будто случайная кака-нибудь.

Укоризненно качнула головой, она повернулась и пошла домой. А он остался стоять позади, подальше и, вверное, пристыженный. Она ему и слова не дала сказать в свое оправдание, да и что ему говорить!

С Геннадием она теперь не встречалась. А зря. Ему было трудно по службе, ему было неудобно на острове. Он привык к большому городу, жила в достатке, его и обрелась от большой и бед. Его успокаивали; если случались неприятности, и сумам, добрые перемены. Что же он ждал этих перемен, ждал необычно увлекательной жизни, необычно красивой обстановки, знакомства и общения с необычно предприимчивыми людьми.

И кое-что, если не все, ему действительно выдала полною мерой, а он не мог даже только осмыслить этого и оценить. Он слишком сыто и беззаботно жил—и ему валежко теперь было за небогатой едой, за повседневной пе-

Рисунки В. Карабуца.

Ольга в смущении отступила, чтобы он ее не заметил. Но он заметил, подошел, дружески побрызгал руку, будто не было между ними ничего такого, что омрачало бы эту встречу.

— Здорово, Оля. Как живешь?

— Ничего живу, — сказала Ольга.

Он поведает, что-то соображая в уме.

— Зашла бы вечером, а? Я ведь скучал по тебе. Прощай, скучал...

Она смущалась: не ожидала, что он это скажет.

— Не знаю. — Ольга смотрела в сторону. — Зачем? Ни к чему ведь это.

Он переступил с ноги на ногу, тоскливо поджал губы.

— Ну, если ты так считаешь... А мне было бы приятно. Знаешь, в море я еще не была по поводу. Меня порядком трепануло, травил до жакоаласа. Потеби было!

Ольга усмехнулась, хотя не было смешно. Он стал говорить, как закятый моряк. Слова-то какие: жакоалас, трепануло, травил...

Она не знала, как ответить к нему — к его виду, лексикону, некоторой даже развязности. Все это можно отмахнуть ее, потому что понахвалю вонюй дешманкой, а на дешманку у нее был хороший нюх. Но она видела, что вместе с тем он стал смелее — может, не физически, может, изменились, происшедшие в нем и с ним, вовсе не выражаясь только внешне.

Он стал другим, он стал мужественнее, а как и в силу чего именно, Ольга объяснить не могла. Достойно было, что она это чувствовала.

Вечером она пошла к Геннадью, заглянула как бы мимоходом. Он обрадовался, и растерялся, и суетился вокруг стола, освобождая уголок от груды фотоаппаратов, и бегал вокруг электролампочки, на которой что-то жарилось и шипело чмадом.

Ольга впервые увидела, что, как и в столовой, как и в обжитых, по ее комнаты тоже искосок, изобразив шипиша сапог.

Искоса выходящая за Геннадью, она вдруг испоме для себя неожиданно отметила, что борщ ему, кажется, идет.

— Хочешь сердца кита? Горячее, с пшлу, с

жару, как раз со скворочки. — Геннадий, что-то вспомнил, тут же спохватился: — Или кофе со сгущенкой.

Она бездумно сказала, не сообразив даже, как странно переменялись их роли:

Хоту.

Он не понял, чего именно Ольга хочет, но положил ей на хрустящую японскую тарелочку несколько ломтиков сердца.

Ольга машинально жевала эти ломтики, они имели приятный вкус говяжьей печени. Потом она отодвинула тарелочку и о чем-то случайно начала говорить. Геннадий рассмеялся и пощаживал.

Он подошел к ней — в тесной комнатке крошечка была единственной «мягкой» мебелью — и, в свою очередь, поведая ей о приключениях на китовом промысле.

Он говорил обстоятельно и не пропал себе промахов и заблуждений. Он что-то усмел и признал, а что-то прощрал и постарался забыть. Он стал совсем, совсем другим, по крайней мере так казалась Ольге.

Рука Геннадия тронула ее талию, она легла на талию доверительно и по-братски, потому что Ольга не оттолкнула его, не дернулась в испуге. Ольга даже подумала, но на такую руку приятно опереться, да почему бы и нет? Рука была неожиданно крупной, мозолистой, с обманливыми потницами. Трудно было предположить, что владелец с таким владением владеть ногтем может опротивенно ткнуть в кита-недомере: мол, бей, гарпуер!

Все-таки Ольга отодвинулась — легко, чтобы не обидеть его, потому что ведь он вичего такого в мисках не вымал... Что-то было в нем к лучшему, и что-то в ней успокоилось.

Мир казался простым и ясным.

Незаметно для себя Ольга придвинула тарелочку с своей кайшой. Доседа ломтики сердца, она пришла к выводу, что и сама изменилась. Что завтра, именно завтра, не откладывая и не торгуясь с совестью, пойдет и скажет насчет того вина, которого завезли на миллион... Она еще не знала, кому скажет об этом скажет. Но она узнает и скажет. Надо будет — вышлет. Надо будет — закрячет. Она же ста-

нет презрительно коснется на Виткыу-Биаибонса. Она возьмет его в оборот. Сделает ему совсем красивую жизнь. Уж на это у нее силы хватит.

Над морем рокотала гроза — явные реакционные для этих краев. Она шла вдоль острова, очень шумная, с молниями, как митые веревки, как клубки огненного шеркати-пола...

Такой грозы Ольга еще не видела. Затеяливые рисунки ее молнии проливали корявую штору на окне. Штора как бы таяла и дымилась. Она готова была услышать жадным, бесноватым поведением.

Ольга смотрела на штору, и ей поучадила световая реклама больших городов. «Пейте томатный сок!» — требовали неоновые буквы. «Храните деньги в сберательной кассе!» — убеждала Ольга.

Но если бы Ольга была рекламодателем, то поведая бы вышпела на краях всех горидов носом, арком, чистым пламенем: «Скитаться на львах!», «Покоряйте пустыни и обуйдите моря!», «Пейте ледниковую воду высокогорий!», «Питте сердце кита!».

Плохо, что нет такой рекламы. Она должна быть. Люди должны знать вкус, прет и запах крутого таежного чая. Они должны научиться ценить удобства палаток и соломы кита: это нехитрое жилье воспитывает много надобного в человеке. Оно вырабатывает иммунитет против ветра ледяных пустынь и зноя тропических джелей.

Ольга почти не слушала, что говорила ей Геннадий. Но его присутствие, и эта его огуренная рука, и речь, достойно прямика — все это могло служить гарантийным обеспечением тому, что предлагала Ольга воображаемым собеседникам. Во всяком случае, тем из них, кто исплата в жизни меньше, чем она, молодая женщина какля-живуа двандити пшти — двандити семм асти!

А она предлагала им, кроме прощого, стведать и сердце кита. Конечно, они не станут от этого варое сильнее и, может быть, не станут такими уж отъявленными смельчаками. Скажем так: это куда сложнее.

Но все-таки слышите, слышите сердце кита!

Голоса Африки

АНТОННУ ЖАСИНТУ

АНГОЛА

МОНАНГАМБА

На большой на плантация нет дождя,
Ее плетом лица похлывало я.

На плантации кофе созрела в свой срок,
Он яко-нишевого цвета,
Кашан-крови могой — его сок.

Будет в муках зерно
Перегнато, обожжено,
По контракту должно быть черным оно,
По контракту должно быть черным оно.

Вы спросите у птиц, что так звонко поют,
У рывьей, что змечется светом,
И у свежего ветра сертана:
Кто всех раньше встает? На поминку идет?
Кто по дымной дорожке носилки несет?
Кто из пальмовой стволы и хлопчат в дому?
Помает, косит и платит презрившим кому?

И кого
Кормит рыбой гнилой и мукою гнилой,
Градом палок, обидною бранью,
Наряждая изношенной рывью?

Кто в полях помогает проусу расти,
Апельсиновым деревьям цвести,
Кто?

Кто хозяину дань дает, чтоб копнуть,
Сквашив, мешинка, аксбонниц купить.
И гурты негритянских голов?
Денгити белому кто достает,
Чтоб он мог благоденствовать, богатей
И жыреть за наш счет,

Кто?
Вы спросите у птиц, что так звонко поют,
У рывьей, что змечется светом,
И у свежего ветра сертана.
И ответят они:

Монангамба...

Перевел с португальского
Ф. КЕЛЬНИ.

ЖЕРАЛДУ БЕССА ВИКТОР

ГИМН БАТУКЕ¹

Небо, земля, присподобия, море и время!
Знайте, не умерло черное племя!

Рокот маримб и чингунг бормотанье,
Вдохли киссанжей², шаров перезвонье...
Скорбь наша хочет кричать и кричать,
Радость и горе в порыве смешать.

Рвется на волю слезами и смехом,—
Эким ствол древнего, вечного зла,—
Будет так рваться оно из оков
Вплоть до скончания времен и веков.

Поите ж, пляшите, исполнены страсти,
Пьяшко, задорно!
Так победим мы тот ужас,
Что нас непрерывно гнетет.
Скорбь победим, у которой
Мы вечны во власти.

Призрак уродливый тьмы этой черной,
Да не увидит он завтра
Зари алуэзарной восход!..

¹ Батукэ — негритянский танец.

² Маримба, чингунг, нисонане — музыкальные инструменты.

Мир да почувствует варуг,
в изумленных гаубоком,
Что наши пляски и гимны,
самых инструментов звучнее —

Это не тропиков чары, не только
их страстный накал,
В этом гаубокой есть смысл,
есть мечта, идеал

Расы, людьми осужденной и роком,
Жертвы неслыханных пыток, страдания,
Так из неспящих! Давайте ж
мы счастье скуем!

Рокот батукэ, пусть станет он криком
Нашим, мы крик в него расы вдохнем,
Ветер его увнес, зазвучит он
и в Пространстве Великом.

Что бы там ни было, что б нам еще
ни пришлось претерпеть...

Небо, земля, присподобия, море и время!
Знайте: не умерло черное племя
И не должно умереть!

Перевел с португальского
Ф. КЕЛЬНИ.

ГАНА

ДЕЯ АНАНГ

ПЕСЕНКА НОСИЛЬЩИКА

Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма!
Весь, что угодно, в всем отпущу,
Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма!
Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма!

Всё, что угодно,
Взад и вперед,
Взад и вперед,
Утром рано

И вечером поздно,
Кому угодно и что угодно,
Круглый год

Вреду я с пошей, глотая пот,
Взад и вперед,
Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма,
Взад и вперед!

Легкий ли груз,
Тяжелый ли груз,
Дальний конец
Или ближний конец

Или весь, что угодно, доставить берусь
За пару монет,
Мелких монет.

Утром рано и вечером поздно
Круглый год,
Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма!

Любой ваш груз, любого веса
Доставит выключный мул прогресса
Взад и вперед,
Кай-йя, Кай-йя, Самбрамма!

Взад и вперед!

Перевела с английского
Н. ВОРОНЕЛЬ.

ГОРМБЭЯНИ АДАЛИ МОРТИ

ПАЛЬМОВЫЕ ЛИСТЬЯ ДЕТСТВА

Когда я был совсем еще малыш,
А Джо и Фреду было лет по шесть,
Мы помогали нашему отцу
Навоз месить с землемо на дворе.

Три пальмочки тогда мы посадили,
Своими именами их назвали.
Они росли куда быстрее, чем мы,
И много раньше, чем я стал большим,

Они, цвезя, своей достигли цели!
Подобные сердцам сестер, на них
Цветочка золотые закатывали.

Их золото потом позеленело,
И выросли огромные орехи,
Величиною с голову отцу.
И я мечтал о молоде их садком.
Я слышу шепот аньстев наших пальм,
Я слышу шепот аньстев наших пальм,
Ожиших от ночного ветра.
И я впервые слышу эти листья,
Их шепот, дошедший сквозь плетон
В стенах хибары, где мечтала я в детстве,
о мечтала о будущем.

Перевел с английского
А. СЕРГЕЕВ.

ИЗРАЭЛ КАФУ ХО

МАЛЫШ

Малыш — совсем как европеец,
Он отвергает нашу плещу,
И плещет он лишь из своего стакана.

Малыш — совсем как европеец,
По-нашему он говорить не может
И сердится, когда его не понимают.

Малыш — совсем как европеец,
Он о других не думает совсем.
Отца и мать он держит в подчиненье.

Малыш — совсем как европеец,
Он так изнежен —
Маленькая царшина становится на теле

европ.

Перевел с английского
А. СЕРГЕЕВ.

КВЕСИ АССАХ НУАКО

МОСИТ И ЮНЫЙ ГАНЕЦ

— Ах, несчастный москит!

Убейрайся-ка прочь!

Как посмея ты

Ужамить меня

В эту диную ночь,

Когда каждый не спит,

Салыта знон колкомольный,—

Флаг извивается возмольный,
Флаг трехкренитный трепещет

Над парламентом Ганы,
А другой флаг — имперский —

Спущен, спущен

Под бою барабанный!

— Юный ганец! Ах, юный ганец!

Не ругай, не ругай меня!

Я правуюю тоже, тоже

Не знаа я составляете дия.

Юный ганец! Ах, юный ганец!

Будь весел, будь весел, брат,

Смотри, как красиво,

Как празднично звезды

В небе свободном горят!

Юный ганец! Юный, юный ганец!

Хвауу, хвауу, возмудам

Москитам великим,

Предкам моим,

Губишим без сожаленья

Врагов чужеземных, чтоб ты

Теперь получаа возмудалье!

От ига и шипетя!

— Хвала твоим предкам, веселый москит!

Свобода по Африке гордо летит...

Перевела с английского
А. МАМОНОВ.

ПОЭМА О ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ

Я не стану сердиться
За твои горделивые взгляды,
За твои надменные фразы,
Когда ты вернешься из дальних мест...
...Ведь мир для тебя не обширней,
Чем зрачок твоего ока,
И вечнее его — не больше,
Чем твой трепет и твой протест.

...Но брат, кто дома остался,
Твое узнал местный язык,
И, наверно, прекрасней, чем ты,
что, странствуя, ты пришел...

Он протянул руки к морю во мраке ночи,
С незлыкомой тоской незнакомые видел

Незнакомые реки, леса, незнакомые горы,
Леса тумала, реки созвездий, горы сиянья —
Их твоих не выдал очь,
Хоть ты весь мир обшеюл...

Перевела с португальского
И. ТЫНИНОВА.

ДЕННИС ОСАДЕБЕН

НЕУЖЕЛИ МЫ ПОГИБАЕМ
НАПРАСНО?

Через леса, песка и тростники,
Расступие у берега реки,
Летят, как стаи птиц на острова,
Героев умирающих слона:

— Мы жили, мы работали, мы те,
Кто не бросал оповеста в беду;
За спорный рай обещанных свобод
Давно мы проливали кровь и пот.
От этой влаги солонья моря,
Так неужели мы погибнем зря!
И нашим детям повелит в беде:
Спеть скончавшись под ярмом раба!
Увы, бессильна ярость мертвеца,
Но пусть живые бьются до конца!
И Африка, взметнув свободы стиг,
Ответствует слепым: «Да будет так!»

Перевел с английского
А. СЕНДИН.

Рисунок Г. Ведарева.

ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА

АГИНАЛДУ ФОНСЕКА

НАДЕЖДА

Я двадцать с лишним лет как жду тебя.
С тех самых пор, как я на свет родился.

Я жду тебя всегда. Борюсь
Из-за тебя, и побеждаю,
И, побежденный, вновь борюсь.

Не знаю я, кто ты, какая с виду,
Звезда, комета или планета?
Бог или богиня? Буря? Шторм?

Я твой утешаю слов
В неясном свете будущего — правда,
Оно тем дальше от меня, чем ближе.

Из-за тебя я погружаюсь в грязь
Греха, из-за тебя под знамя
Встаю я добровольцем. В котурны

Из-за тебя вхожу я к богачам
И им протягиваю руку
За подавнием, за работой.

Уж двадцать с лишним лет тебя я жду,
Но ты приходишь, я обману тебя.

На улице мы вместе выйдем — правда,
Пусть все увидят: за борьбу
Я награжден тобой. Пусть знают,

Что я своей добычей немя —
Той, за которой в мир пришла.

Я в зале ожидания Жизни
Уж двадцать с лишним лет томлюсь,
Все жду, когда войдешь ты в дверь...

Здесь много ожидания: здесь волки
В овечьей шкуре, лжепророки,
Здесь предлагают подавние,
Жмут руки и таят книжал.

Я пропускаю их: одну
Я жду тебя, но если спросит,
Какая ты такая и зачем.

Придешь сюда, я не сумею
Ответить... Двадцать с лишним лет
Тебя я жду, борюсь, и побеждаю,
И, побежденный, вновь борюсь.

Звезда, планета или комета?
Бог или богиня? Кто ты: буря
Или слетевший с неба шторм?

Перевел с португальского
Ф. КЕЛЬНИН.

ЧЕРНАЯ МАТЬ

Черная мать качает сыночка
И поет далекую песню,
Которую пели предки

В долгой ночи бед рассвета.
Плет и поет и смотрит
В нарядное, звездное небо.

Ему поет она, вебу,
Потому что ведь небо тоже
Часто бывает черным.

Потому что, в небо,
Таким нарядном и звездном,
Нет ни белых, ни черных,
Ни желтых, ни краснокожих...

У матери черной негу
Ни друзей, ни родных, ни дома...
У матери черной только, только
Один сыночек...

Смотрит на небо в звездах
И улыбается что-то:
Ей кажется, будто сверху
Каждая звездочка небо

Машет рукой с приветом...

Перевела с португальского
И. ТЫНИНОВА.

КАМЕРУН

ЛЮДИ ИЗ БОНАКУ
ПРИШЛИ В ДОНГО

(Народная песня)

Вновь гремят
Тамбаны в лад —
Праздник славный они сулят.
К нам пришли

гости праздника встретить.

Вот они: один, другой, третий...

Наши песни наполнят лес,
А костер подымется до небес.

— Кружатся поляны,
Прыгает луна,
Мы от пляски пьяны,

А не от вина!
Эй, танцуй!

Под августово влажной
Мы костер зажгли,
Чтоб увидал каждый
Красоту земли!

Эй, пляши!

Ты создала сюда пришла —
Стала светлой ночная мгла.

Ты пришла

с нами праздник встретить,
И к тебе попался я в сети!

У костра разжигай
Лишь одну тебя!

Кружатся поляны,
Прыгает луна,
Мы от пляски пьяны,

А не от вина!
Эй, танцуй!

Под августово влажной
Мы костер зажгли,
Чтоб увидал каждый
Красоту земли!

Эй, пляши!

Перевел с языка группы банту
Ю. ХАЗАНОВ

РУИ ДИ НОРНЫЯ

НЕСЧАСТЬЕ

Я — хижина на берегу морском,
Вчера полби рилак, хезина мой дом,
Рыдают дети под моим окном
И женщина, что сделалась вдовой.

Я — хижина на берегу морском,
Меня разбило ледоко валою,
На досках, всплывших над морем красномом,
Спит женщина, убитая грозой.

Я уж не хижина, мне уж нельзя помочь.
Я — горький плач серот, уплывших в ночь,
Просивших хлеба и участия.

Я — слезы тех, кто осужден страдать,
Кого и смерть не хочет принимать...
Бедомных... Нищих... Я — несчастье.

Перевела с португальского
И. ТЫНИНОВА.

ЮАС

КЕРН СЛЕЙТЕР

ОТЪЕЗД

(Песня рабочих кэса, уходящих работать
на угольные шахты)

Дом родной, мы уходим затем,

чтобы жить,

Да, мы вырваны с корнем и брошены
прямо на камни,

Чтобы корни заглохли и листья завяли.

Но вдали мы урем, как вода ключевая,
Задыхаясь без света в закрытом кувшине:
Жизнь во клане растечет, искры погаснут.

Но вдали мы урем, как гитаны
из разрушенных пледз,

Как пречки, воеал, трупа убитой-воланчи.

Ненасытные шахты наше солнце украли,
Раскрасили нас камнями жернова,

Нашу жизнь раскрасмали
прожорливые машины:

Нашей крови и пота им мало,
им мало воела.

Дом родной, мы уйдем, в надежде вернуться,

Мы уйдем напрасно,
потому что возвратя нет.

Перевела с английского
Н. ВОРОНЦЬ.

партиции. Партии, совсем еще юной, нервни-
ла, и в этот момент она была в минуту свободного влечения. Но ей все
ветскому коллеге, товарищу, получить столь заманчивое
Эффиан. И я привез эти рисунки. И они были опубликованы
Копия просилась. Андре Корваль проехал пере-
дать всем советским коллегам горячий привет, я от всего сердца сказал ему: «Спасибо, товарищ...» — и впопыхи того паршушу в берете.

О. ШИРОКОВ

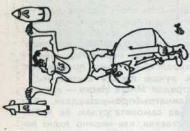

СЕРЖАНТОВ, КОС. СЕРЖАНТОВ, ТАТА-
РИН, СТАВНИЦА, КОС. ГАГАРИНА, СЕГ-
ИЯ З. ГАГАРИН. В СЕРЖАНТОВ 25-11 ТАТА-
РИН О. ВИКТОРЕ АЛЕКСАНДРОВЕ В СШТА ТАКИЕ
РА-
ловенная тлетель «Юности Восток» (ЮВ) шарже
известных известным о полете советского кос-
мического корабля «Юности».

СУД ВЪЗВРАЩАЕТ

В июне 1959 года в Буэнос-Айресе похитили до Клементя. Он ничем не привлек внимания даче в Финале запечатленного автомо-
малого свидания. Климент вынул дом при-
роде Буэнос-Айреса, известное в столице Арген-
тин об этом человеке. Его злоудачная впа-
люб, единственная странность Клементя была
последняя настроенность. Шторы в его до-
открылся дверь своей квартиры. Это всегда де-
ла до десяти лет ничего плохого не случилось
Рицардо Клементем и, казалось, никогда не
прошло года, когда Климент приходил по од-
нам кто-то толкнул его за плечо. Рицардо Кле-
ментим ли мы все полагали, что этот человек вы-
селился из них, отстался его и автомобиль. Так
и было — подорожное назидание, данное изра-
ица Адольфа Эхманна.

нента воспоминания о восточных полове-
были, по-видимому, довольно редко. Именно
но в этом году он заявил: «Пустяк, отстанте
себя за границу». О том, что еще раз закончи-
бы восточные воспоминания. Климент не сомне-
ваться, что в этом случае бонисский воен-
ный министр был бы уже давно без рук.
Но куда же пропавших? И, действительно,
министр делами, выкрикнула развешен-
ские угрозы. Вышней гитлеровской обдер-
ловением, зобом, как он ухитрил испод-
— обидел главы нашего воздушных, которые
утверждаются Соединенными Штатами, бу-

«Америка затвора дьяво-
лохотило, и восточные воспоминания
хотелась решить заграничии
бонисский и надолго всен
то воспринять в Восток до-
Французский
журнал «Пари матч».

Но если, вспомнить, что
дьявола интересовали против
Клементя, то все становится яс-
ным. Климент хотел бы, чтобы
быть азартным, но он не
был, что у него короткая

Клементя не называет симпатич-
тельно рубашку на этого
Клементя. Климент спрашивает
разговаривая
Америка.

нелим во всех онигурованных гитлеровцами
Стихнен не только руководит. Вышло, что он
Летом 1941 года он президентов в западно-
ную фашистский Ригу, по его мнению, уничто-
и обрвался берет за это сам. Эхманн хоре-
ста в корпорации спонсора. Поэтому его попла-
ле среди руководителей еврейской общины
теле не вызвало никаких подозрений. Эхманн
и в начале войны в Латвии было 130 тысяч ев-
миллиона распространялись в Латвии, а Эхманн
прекрасно эти моменты, и Эхманн
«Я пригласил в молгу с улыбкою» — заявил он

Английская газета «Дейли мир-
рор» изобразила процесс Эхманна
похитителя. Сила Эхманна
были нацистские судьи, продол-
жающие вершить «правосудие» в
сине чиновники, которые теперь
занимают ответственные посты в
по часовой стрелке — фашистские
генералы, бывшие подполковники
ис Гурманна.

В. РАЗИН

Неужели переваливая по земному аэродрому, «ЛИ-2» покотился на старт.

Из кабины хорошо видна длинная песчаная коса, на которой спороходливо стоят несколько палаток аэродромных слуб, и на самом конце ее, там, где торчит на берегу высокая пологатая мачта с фонарями, белую шероховатую домику рыбокомбината. Коса узка — всего кавалябуха сотня метров от берега. С обеих сторон — вода, солки, всплывающие на склоном снегом. За рыбокомбинатом, а залив, вода мелко морщится, а еще дальше, в открытом море, ходит волны. Когда поднимаются ветером, серая вода вспыхивает белыми барашками. Если все море становится белым от пены, можно разворачиваться на аэродром: все равно коска не найдешь.

Анатолий нажал пальцем черную кнопку на штурвале, услышал радио:

— Я рыба, я рыба. Прощай старт...

И тут же включил скажеником наушниками голос диспетчера.

— Старт разрешено... Голос скандил поемдиль... Гляди там, Толя, не зарывайся...

Савенок невольно улыбнулся. Когда несколько лет назад, мальчишкой-десятиклассником он поступал в аэрокулб. Узнав об этом, отец сдвинул на лоб очки и внимательно оглядел сына, будто впервые увидел его таким, совсем взрослым. Конечно, лучше было бы, если б его см, как все ребята в этом шатерском городке, поступил в горный институт. Но что делать? Родители предполагают, а дети расплогают. Так всегда было.

— Ты только гляди, сынок, не зарывайся... осторожно сказал он, виновато взглянув на мать. — Ведь там какая-нибудь мелочь все дело испортит может...

Федор Иванович работал главным бухгалтером и хорошо знал цену мелочам.

С тех пор прошло уже много арменин. Анатолий окончил аэрокулб, потом училте, вот уже не один год летает на Камчатке и сам «Бе, не зарывайся!» Пожалуй, сейчас уже и не стоит его предупреждать.

Вообще-то говоря, нынче вылетать не следовало бы. Погода последние дни стояла плохая. С утра над аэродромом висели грязные облака, переэрзав почти по середине скапистые солки. Да и сегодня в воздухе зловоние и индано, только только вернувшись, сопон проткнул насквозь плотную бугристую вату облаков и торчат то тут, то там, словно остервенные стога сена на неровном снежном поле.

Лететь предстоит далеко, за мыс Гавлена, в широкий Олюторский залив. Где-то там вот уже несколько дней бродит флотилия рыболовных сейнеров. Лов идет плохо: «глаза рыб-баков» — самолет рыбной разведки — все эти дни замешкленный стоял на аэродроме: не было погоды.

Стоит на земле самолет, стоит и рыбозавод. Рыбы нет. И когда экипаж идет в столовую, хмуро поглядывают на них рабочие. Нет рыбы, нет заработка, нет плана. Всего каких-нибудь несколько — прочетов не дотянули. А лететь нельзя: нет погоды — и все тут.

Дня два назад приехал на попутном грузовике секретарь комитета комсомола комбината Саша Гурьев. Ребята сидели под крылом и от нечего делать ловили игралы в домино.

— Кола забываете? — это спросил Гурьев — А рыбы нет...

Больше он ничего не сказал и присел рядом, на глядя никому в лицо. Ребята промолчали, только Голод, беголо взглянув на небо и пожал плечами.

— Нет рыбы, стоит завод... устало повторил секретарь... комсомольский экипаж называет...

Тут зашумели все. Дале молчаливый корестный радист начал широко чернеть в эфире. Он был родом из Татарии, и когда горячился, у него бывалась легкий акцент.

— Не понимашь — молчи лучше. Поиная!

— Тебе что важнее — рыба или люди? Не видишь! — Анатолий кивнул на низкое серое небо.

Гурьев уныло глядел то на одного, то на другого, а потом в третий раз сказал:

— Нет рыбы, ребята, стоит завод...

И пошел прочь, не оглядываясь, загребая ботинком песок.

Игра распоролась. Штурман снова, уже а

второй раз, пошел за сводкой, а когда вернулся, уже издали по похолод... погоды нет.

Утром на бревняковой стене здания АДС — аэродромной диспетчерской слубы — повисла большая плакат: «Труженики Камчатки обязались сдать государству 3 000 000 центнеров рыбы. Выполнил свой долг перед Родиной».

— Ашха постарайся — угромо проговорили

Дмитрий. Пусть лучше погоды нет, чем

Больше всего страдал Миша Несин — летчик-наблюдатель «Камчатрибромразведки». Уж оно-то знал, что без самолета судам не найти косков. Он представлял, как нервно жует по мясистому Алешину, каплет «Ильича Вилева», Герой Социалистического Труда, как ругает его, Несина, Сагайданный, тоже капитан и тоже герой, как слушают небо на всех судах, не появится ли шум мотора. Нет, не выполнит в этом месяце планов. Всего 300 тысяч центнеров добыто всего 247. А осталось четыре дня. Чертова погода!

Сегодня утром Ребеда сама выбежала на крыльцо с беленьким листочком сводки. Конечно, она сделала это только для того, чтобы по-быстрее сообщить Митя Голод, что погода будто улучшается. Она уже издали заметила, как он отделился от товарищей, направлявшихся к самолету, и зашагал к АДС, высокий, чуть искривленный. Ага, вот Митя заметил ее и побегал, илопал, илопал, илопал, илопал. Ребеда замашала сводкой, словно флажком.

— Погода, Митя, погода! — Ребеда с торжеством оглянулась на плакат.

Собственно говоря, сводка была не такой уж хорошей. Просто облаков немного авторизовался, и ветер усилится. Он дул от берега и, по расчету метеорологов, должен был разогнать туман над морем. Во всяком случае, это было уже кое-что, тут можно сообразать, что-то делать в основном, диспетчер разрешит вылет.

— Ну, а как насчет танцев? — спросил Голод. — Придешь?

— Беги, бег! — Ребеда явно не хотела обсуждать этот вопрос. — Тебя ребята ждали. Вечером видно будет...

Ребеда хорошо знала друг друга, и он успел штурман сделать несколько шагов к самолету как увидел, что винт начал раскручиваться: друзья увидели все по его походе.

Когда Дмитрий подбежал к самолету, работали уже оба двигателя, еще с утра заблаговременно прогнаны маршгрозометрами. Наклонившись между креслами пилотов, он что-то колдовал над рукоятками газа, недоверчиво приглядываясь к приборам. Наконец лицо его посветлело — все в порядке, можно лететь.

И вот они летят, летят уже второй час. Расстояние не такое уж большое, но ведь «ЛИ-2» не «ИЛ-18». Впрочем, при всем уважении к новым машинам Анатолий признавал, что на рыбной разведке, конечно, «ЛИ-2» куда удобнее.

Облака стали рылкими. Но-где в них появились темные окна — море. Самолет пошел вниз. Море лишь чуть морщилось, как неглаженные бельи, и только у самого берега были от скалы света и полосы белого. Соринка, тировавшись по карте, Голод протянул командиру написанный на бумажке новый курс.

Небо стало совсем чистым и совсем голубым, не то что море — серое, даже издали голубоватое, испаривающийся. Не в три-четыре южисю. Там оно темно-синее, теплое, ласковое. А сколько там народу на пляже! Да, Камчатка не Лята, тут не испугуешься. Анатолий вспомнил, как в Ляте в магазине увидел камчатскую кату — слово родного человека встретил. И казалось, все покупатели смотрят на него с благодарностью.

Дмитрий встал со своего места и, трюнув Анатолия за плечо, показал глазами на горизонт. Ребеда лицом отделилась от него, воздух расплылся, воздух там посветлел, из синего стал белесым.

— Выброс! — прокричал Дмитрий и сел на место.

Да, изменений не было. Случилось самое худшее: ветер переменялся, и с моря снова пошел туман. Он закрывает воду и... снова придется летчиком ловить на себе недоброе взгляды и отворачиваться от плаката на АДС. Всего несколько процентов осталось до плана. Да разве дело только в нем! Еще три-четыре дня —

“Я-РЫБА”

Очерк

Первым к самолету всегда подлетают Анатолий Гринчук, бортмеханик; последним, засовывая в плавник метеошар, подбегает Дмитрий Голод, штурман. Он всегда задерживался. Уже сидели в своих креслах командир корабля Анатолий Савенок и второй пилот Иван Никитин, а Голода все не было.

— Опять — метеорологическая — обстановку уточняет, — серьезно сказал Иван Савенок и, помолчав, пояснил: — Сегодня в клубе танцы...

Все рассмеялись, вспоминая тоненького метеоролога с поэтическим именем Ребеда. Не было случая, чтобы во время его дежурства штурман приходил вовремя.

— Обстановку уточнял... — недовольно пояснил Дмитрий, усаживаясь на свое место. — Порядок, пошли...

Против обновления на этот раз никто не сказал ни слова, не попытался выяснить, какая же все-таки, метеорологическая обстановка у штурмана. Было не до этого.

Рисунки В. Усачева.

и рыба уйдет, тогда не поможет никакой самолет.

— Ну что, командир, прокладывать обратный курс?

— Не зарывайся! — вспомнил Анатолий слова диспетчера. Может быть, в самом деле лучше вернуться? Правда, отсюда не видно, что это: туман или просто низкая облачность. Впрочем, хрен, говорит, редьки не слаще. Если туман, то и вобсе говорить не о чем, ну, а если облачность...

Инструкции разрешают вести разведку, когда облачность не ниже двухсот метров. И правильно это. Был бы гидросамолет — другое дело. В случае чего, садись на воду, не потонуешь. А на сухопутном что делать? Нет, диспетчер прав, не будем зарываться. Бог с ней, с рыбой...

Неожиданно громко забился в наушниках чей-то голос:

— Рыба, рыба! Я десятка. Где-то совсем рядом коска. Ночью видел хорошо, но потерял. Помогите...

Тысячи раз видел Анатолий с воздуха сельдяной коска — большое коричневое пятно на серой воде. И только один раз удалось поглядеть на него ночью. Черная вода слабо светилась, будто где-то глубоко-глубоко горело перламутровое голубое сияние. Вот такое свечение и видели на сейнере номер десять. Видеть-то видели, а поставить трал не успели: рассвело, свечение пропало. Так и стоят бедняги — близок покое, да не уяснись.

Анатолий представил себе, как нервноичает сейчас за спиной радиста капитан сейнера, топчется в узкой рубке, ждет ответа и прислушивается напряженно, приближается или удаляется шум моторов. «Не зарывайся!» Как это все просто там, на аэродроме, или в классе на занятиях: есть пункт в наставлении — значит, можно, нет пункта — нельзя. А ведь там люди ждуть: рыбаки, обработчики — а все страна ждет рыбу. И получает ли они ее сполна, зависит сейчас от него, Анатолия, от Ивана Никитина, от Димки Голода, от всего экипажа.

Море затануло белой дымкой, потом оно ступилась, сваялась в плотные коки, и вот уже под самолетом большие ухватистые облака. Значит, все же облака, а не туман. Это лучше. Туман начинается от самой воды, а слой облаков может быть выше. Вот только немного ли?

Иван Никитин давно выключил автотопил и теперь водил машину по широкому кругу, ожидая решения командира. Все смотрели на него, приложив ушам кружочки телефонов. Борт-механик и штурман разделили одну па-

ру наушников, и их головы были сейчас совсем рядом, связанные тонким шнуром. Каждый слышал взволнованный голос радиста сейнера.

— Рыба, рыба! Я десятка. Почему не отвечаю?

Там, внизу, под белой с серыми подпалинами грядой облаков, — большая коска. Кто знает, может быть, от этого коски и зависит сейчас выполнение плана, те самые трудные проценты, тысячи центнеров жирной тикоевской сельди.

Все это так. Но и «нырять» под облака над морем — дело нештучное, эти нырки пахнут смертью, Анатолий много раз слышал слова этой ответственности и никогда не считал, что существует на самом деле какой-то груз. А сейчас он чувствовал на плечах тяжесть, настолько ошутимую, что он поглубже усеялся в кресле. Его никто не обвинит, если он примет решение возвращаться... Анатолий еще раз оглянулся на друзей и намал коску на штурвале.

— Десятка! Я рыба. Сообщите высоту облачности.

Первым согласно кивнул второй пилот, за ним облегченно улыбнулся Дмитрий. Радист сидел спиной и только поднял руку, одобрительно выставив большой палец. Гримуч и тут оказался верен себе: он наклонился к приборам и молча поднял ладонь — все в порядке. Лица наблюдателя Несниа Анатолий не видел, он сидел за спиной, оноло большого круглого окна. Впрочем, оно-то уж наверняка был «зав».

— Рыба, рыба! Я десятка! — радостно сообщили наушники. — Высота облачности — двести метров... На глазок, конечно, — менее уверенно добавил радист.

Что ж, двести метров — это неплохо. Только ведь и рыбаки знают этот пункт Наставления по производству полетов. Не приывали ли капитан высоты? Скорей всего так. Будем считать не двести, а, скажем, сто пятьдесят. Это при снежонки приблизительно двадцать секунд. Попорту говоря, заезавешься при высоте из облаков на эти двадцать секунд — и все: самолет врежется в воду. А если высота еще ниже?

Анатолий сжал в шен ремешок ларингофона и отдал его Несниа: наводить свет будет он. Михаил деловито застегнул пряжку, надел наушники и тронул Анатолия за плечо. На их языке это означало: «Включай радионавигацию». Кнопка выключателя располагалась на штурвале.

— Десятка, десятка! Я рыба. Будем выходить на коска. Приготовьтесь...

Анатолий выровнял машину, отходя подальше от судна, которое было где-то совсем рядом. Если бы погода была хорошей, он заложил бы выржж так, чтобы коска и сейнер оказались в центре, и крутился до тех пор пока рыбаки не окружат сельдь тралом, который сбегает с кормы. Но сейчас оставалось одно — «нырнуть» вниз, постараться не врезаться в воду, не задеть сейнер, моментально найти коска и дать курс капитану. И на это — всего несколько секунд, пока самолет пролетит мимо судна.

— Ну, Миша, пошли. Не зевай! — крикнул Анатолий.

Он немного сбавил обороты и чуть отдал штурвал вперед. Самолет ворвался в облака, покатились к нулю стрелка высотомера: 550, 400, 200... Стекло будто от волнения стало влажным, а за ним все такая же белая пелена. Пальцы рук на сколько-нибудь значимые, стали совсем белыми, 100, 150 метров... Воды не видно, 120, 100... И вдруг мутная серость прорвалась до неправдоподобия ярким блеском воды, огоньком ударил в глаза алый флажок на мачте сейнера.

«Вот тебя и двести метров!» Черт, как вспомнил руку! Анатолий выровнял машину, так что она шла сейчас под самым облаком. «Коска! Где коска! Найдет ли его Михаил!» Уже остался позади сейнер, а плечо все ждал толчка летящих «Включай».

От забытка чувств Михаил не толкнул, а ударил с размаху в спину. Ну, наконец-то!

— Десятка, я рыба! Коска прямо по носу, полтора километра. Хороший коска... Как поехали!

Уходя в облака, чтобы не разорваться от удара, Анатолий увидел белый рубец, ахвистый за кормой сейнера. Там понизил хорошо.

«Нырять» пришлось еще три раза, пока сейнер обошел все коски, ставя трал. Теперь это уже было не странно: облачность действительно поднялась до двухсот метров.

— Вечером Дмитрий надел свой ладный, шитый не так уж давно на заказ зленный офицерский китель без погон. В нем он выглядел лучше, чем в получленной на складе мещавоата аэрофлотской тулунуре. В клуб, как обычно, отправился все вместе. Заграла радиолоа, и Дмитрий пошел по залу, отыскивая Ревзеду. Она стояла вместе с девчатами с радицентра и «метеорологиями». У нее были больше-большие глаза цвета сельдяной коски. А этот цвет, как свинцоа в сегодняшней полете, мог вызвать только хорошее настроение.

РИШТАБЦЫ ИЗ КОСМОСА?

ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ В КАЮТ-КОМПАНИИ

(Продолжение. Начало см. в №№ 8, 9.)

30 июня 1908 года в далекой сибирской тайге произошло это необыкновенное явление. Около тысячи очевидцев, корреспондентов Иркутской обсерватории, сообщали, что видели прорисованное по небу тело, оставлявшее за собой след. Над тайгой близ фактории Бановара тело превратилось в ослепительный шар, который был ярче солнца. Потом огненный столб уперся в безоблачное небо. Раздался взрыв невероятной силы. Он был слышен за тысячи километров. Пронесся ураган, который вырывал с корнем деревья в тайге на тысячах квадратных километров, срывая крыши домов на расстоянии сотен километров, обнесла воздушной волной земной шар дважды. Сейсмические станции в Иркутске, Ташкенте и Иене отметили сотрясение земной коры. Три ночи не только в Западной Сибири, но во всей Европе не было темноты. Странные зловонные и розоватые лучи пробивались даже сквозь дождевые тучи. Под Москвой в полночь фотографировали, в Париже, на бульварах, где не зажигали ночных огней, можно было читать газеты.

Была высказана гипотеза, что в тулунгускую тайгу упал гигантский метеорит.

Лишь в двадцатых годах замечательный исследователь, ученый секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР Л. А.

Кулик организовал экспедицию в тулунгускую тайгу, чтобы найти метеорит. Но он ничего не оставил ни осколков, ни следов. А ведь при падении метеоритов осколки всегда находят. Не обнаружен был метеорит магнитными приборами и в глубине Земли.

Исследователи установили на месте катастрофы множество фактов, которые казались загадочными. Так, в центре катастрофы, где метеорит должен был удариться о Землю, когда при мгновенной потере скорости энергия движения переходит в тепло, вызывая эффект взрыва, никакого кратера не оказалось. Более того, там стоял на корню лес, странный мертвый лес, без коры и сучьев (фото 19 и 20). Он был окружен болотом, под которым оказался слой торфа, а под ним нетрунутой слой вечной мерзлоты толщиной в 25 метров. По мере исследования все менее объяснимыми казались светлые ночи после взрыва.

Рассказывали и о легенде зленков, которые сразу после взрыва побывали в его эпицентре, видели фонтан воды, а потом отказывались подойти к тем местам: шаманы запретили, объявив, будто бог огня и грома Огды спустился на Землю и сжигал людей невидимым огнем. Достоверно неизвестно, были ли на самом деле жертвы от «невидимого огня», послужившие основанием для легенды и шаманского запрета.

Во всяком случае, предположе-

ние о падении метеорита, который должен был обладать массой в миллион тонн и скоростью 30—60 километров в секунду, не объясняло так называемых «аномалий», очень обстоятельно описанных большим знатоком метеоритов, соратником Кулика, ныне ученым секретарем Комитета по метеоритам Академии наук СССР Л. А. Криновым. Однако специалисты по метеоритам продолжали считать, что упал в тулунгускую тайгу все-таки метеорит.

Чтобы объяснить все обстоятельства тулунгуской катастрофы — в том числе и такие аномалии, как исчезновение метеорита, отсутствие осколков и кратера, а также любых других следов падения, наличие в эпицентре стоячего леса, нетрунуность слоя торфа и слоя вечной мерзлоты, который не мог бы восстановиться в наше время, если бы кратер, скажем, затонула болотистой почвой, наблюдавшиеся светлые ночи и даже возможные жертвы, порождавшие легенду о невидимом огне, — чтобы объяснить все это, и выдвинул пятнадцать лет назад звучавшую фантастически гипотезу о том, что взрыв в тулунгуской тайге произошел в воздухе. Потому и угодили на корню находившиеся как раз под местом взрыва деревья, потеря кору и сучья. Там же, где удар пришелся под углом, почти все деревья были повалены.

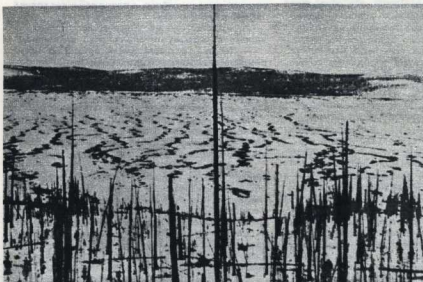
А сам взрыв, равный, как подсчитано, взрыву 10 миллионов тонн тротила, что соответствует

пятистам атомным бомбам или нескольким водородным, был не переходом энергии движения в тепло при торможении космического тела, а освобождением внутриядерной энергии.

Первоначальное предположение, что взрыв произошел в радиоактивном метеорите, мне пришлось отбросить, так как в атомном взрыве может взорваться радиоактивное вещество — скажем, уран-235 или даже не существующий на Земле плутоний, — только если это вещество будет химически идеально чистым и если его будет в достаточном количестве. Следовательно, над тулунгуской тайгой радиоактивное вещество могло взорваться лишь в случае, если оно было получено искусственно. Но получить в 1908 году не только в глухой тайге, но и вообще где-нибудь на Земле вещество, способное к цепной реакции, было, безусловно, невозможно.

Тогда и осталось предположить, что в 1908 году на высоте около пяти километров взорвалось радиоактивное топливо неведомого межпланетного корабля, который пытался прилететь к нам на Землю и погиб перед самой посадкой (рис. 21). Стоит ли говорить, сколько о, фантаст, получил за это сыночек?

Гипотеза эта, опубликованная в литературной форме, вызвала несокнотенные споры. Некоторые из ее противников называли ее «антинаучной», хотя она исходила из материалистических взгля-

лов и пытались объяснить аномалии тунгусской катастрофы, которые не могли быть объяснены предположением о падении метеорита.

Время от времени появлялись сенсационные сообщения, что загадка тунгусского метеорита открыта: метеорит найден. Об этом широко объявлялось в печати, даже в международной, как это сделал профессор К. П. Станюкович в журнале «В защиту мира». Основанием для этого являлось нахождение одним из сотрудников Комитета по метеоритам тов. Янелем в старых пробах почв, принятых на тунгусской тайге еще Куликом, металлических вкраплений. Но

очень скоро выяснилось, что утверждения эти необоснованны. Такие вкрапления находят во многих местах на Земле. Они являются продуктами метеоритных процессов, происходящих в верхних слоях атмосферы.

не допускался, был вызван столкновением Земли с ледяным ядром кометы.

Однако едва ли пока можно считать обоснованным это безапелляционное утверждение о решении научной задачи. Новое предположение — научная гипотеза, которая наравне с другими подлежит рассмотрению.

Так рассказали многие молодые ученые, которые по своей инициативе организовали в 1959 году несколько самостоятельных научно-туристских экспедиций, ставивших перед собой цель всестороннего исследования тунгусской катастрофы, в том числе и предположения ядерного взрыва.

В следующем, 1960 году эти молодые ученые отправились в тайгу вновь, но уже под эгидой научных организаций. Так, томская группа под руководством Г. Плеханова была поддержана Сибирским филиалом Академии

Поддерживается ли новая гипотеза о ядерном взрыве ледяного ядра кометы?

Теоретически такой взрыв возможен лишь при скорости летящего тела около 40 километров в секунду. Объективных указаний на эту скорость не было. Считалось, что она все же такова, потому что иначе взрыв как будто и произойти не мог.

Что же оказалось на месте?

Группа Золотова обнаружила дерево (фото 22), погибшее при катастрофе, но устоявшее на корню. Оно росло примерно на равных расстояниях от эпицентра взрыва и от эпицентра полета взрыва, подвергалось действию и взрывной волны и баллистической волны, вызванной движением в атмосфере тела с гигантской скоростью. Если скорость действительно была порядка 40 километров в секунду, то сила удара обеих этих волн была сопоставима.

Что же обнаружилось на этом дереве исследователи?

Оказывается, все сучки, обращенные к фронту взрывной волны, были начисто сорваны, а сучки и ветви в перпендикулярной плоскости, которые подверглись удару баллистической волны, все уцелели!

Можно математически сравнить силу обеих волн и вычислить скорость летящего тела. Она оказалась равной не 40, а всего 4—5 километрам в секунду. Но если так, то надо считать массу взорвавшегося тела равной не миллиону, а почти миллиарду тонн, если взрыв не был ядерным.

Второе, что интересует нас в новых исследованиях, — это установление лучевого ожога. До сих пор такие ожоги на расстоянии нескольких километров от места взрыва. Более того, энергии излучения, которую удалось подсчитать, составляла примерно треть всей энергии взрыва. Такое соотношение характерно опять-таки для ядерного взрыва.

В тунгусской тайге обнаружено множество следов несомненного лучевого ожога даже в нескольких десятках километров от места взрыва. Более того, энергии излучения, которую удалось подсчитать, составляла примерно треть всей энергии взрыва. Такое соотношение характерно опять-таки для ядерного взрыва.

Но, пожалуй, самым интересным было то, что попытки обнаружения повышенной радиоактивности в почве и в древесине погибших при взрыве деревьев оказались безуспешными.

Многие сочли это опровержением гипотезы о ядерном взрыве, но все же...

Группа энтузиастов из филиала ВНИИ геофизики перенесла свое внимание к сухим деревьям на живые, которые по тем или иным причинам пережили катастрофу. Интерес представляли даже деревья, растущие вдалеке от эпицентра взрыва.

Золотов и его товарищи спилили такое дерево.

Срез сразу же поразил воображение. Лиственный жила более трескот лет. Годичные слои отменяли календарь, но становились с каждым годом все тоньше. И вот (фото 23)... на срезе отчетливо виден, как вдруг «позолотило» дерево. Годичные слои стали откладываться в десятках раз толще!

На ускоренный рост деревьев после тунгусской катастрофы обратил внимание один из участников метеоритной экспедиции 1958 года. Но они объяснили это тем,

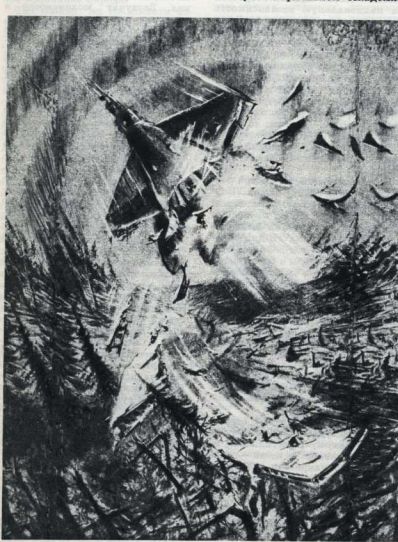
что увеличение дерева получали больше света, а почва удобрялась остатками погибших растений.

Но экспедиции 1960 года исследовали деревья среди увеличенных рощ, где после взрыва изменились условия не изменились. Оказалось, что и в этих рощах молодые листочки на 50 лет достигли размеров трехсотлетних!

Какая же причина заставила тайгу расти так бурно? Это казалось загадкой.

Может быть, в почве в результате взрыва появились какие-то новые вещества? Может быть, радиоактивные?

Тогда пришла мысль последовательно проверить на радиоактивность каждый годичный слой. Ведь после ядерного взрыва (если он был) должны были выпасть радиоактивные осадки, через некоторое время они попадут вместе с соками в растения, отложатся в годичных слоях.

21

Вместе с тем специалисты по метеоритам, организовавшие накануне в 1958 году экспедицию в тунгусскую тайгу, измерением радиоактивности, к сожалению, не занимались и от исследования тунгусского взрыва как ядерного отказались.

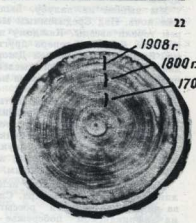
Наконец, в 1960 году устами главы Комитета по метеоритам академика Фененкова, выступившего со статьей в «Правде», специалисты признали свои былые представления о тунгусской катастрофе как о падении метеорита ошибочными. Вместе с тем убавлялось, что загадка решена: взрыв, происшедший в воздухе (мысль о чем прежде

наук СССР; группа Волго-Уральского филиала ВНИИ геофизики под руководством А. Золотова нашла поддержку в Президиуме Академии наук СССР и Министерстве геологии и охраны недр СССР; группа московских инженеров, в которую входил инженер Григорьев, выступивший с очерками об экспедиции в «Известиях», была поддержана ЦК ВЛКСМ.

Сейчас еще рано говорить об окончательных результатах. Многочисленные приведенные из тайги образцы исследуются в различных лабораториях. Но о некоторых предварительных выводах полезно рассказать.

22

23

в лабораторных филиала ВНИИ геофизики кипела увлекательная работа. На срезе дерева были нанесены даты: 1 700 год, 1812... 1908...

Аппаратура будто изучала сообщения:

«При Иоанне Грозном ядерных взрывов в Сибири не было!»

«Во времена нашествия Наполеона ядерных взрывов не было!»

А вот в 1908 году...

Радиоактивность годичных слоев после 1908 года оказалась резко повышенной. По ее характеру можно было судить о присутствии в этих слоях стронция-90. Первый полураспад этого изотопа — 19,5 лет. Это значит, что

спустился полета там располагалось около 10 процентов от общего населения этой страны — 90. Повторяется же этот намот только лишь в случае ядерного взрыва.

Экспедиция группы Золотова в 1960 году пилотируемо подтвердила наличие радиоактивности и в 1968 году. Результаты исследования других групп еще нет, но они скоро будут. Едва ли разумно отмахиваться от столь интересных результатов. Они заставляют задуматься всерьез: что же могло возвратиться над сибирской тайгой?

Ведь можно вспомнить, что до сих пор не объяснены светлые дни после взрыва. Напрягается же предположение, что свечение было просто следствием радиоактивных процессов, происшедших тогда в верхних слоях атмосферы.

Такие процессы могли быть вызваны торможением приближавшегося к Земле космического корабля.

Кстати, есть предположение, что путь его через габелью не был приподнятым, что корабль... управлялся. В течение года исследователи эту теорию, пользуясь современными методами радиоактивного исследования деревьев, живших в ту пору на пути предполагаемого пути корабля.

И если наука скажет свое веское слово, мы сможем удостовериться, действительно ли тулунская катастрофа была габелью некоего космического корабля, на котором летели и нам посланы иной цивилизации, может быть, совсем такие, как изображаемые тысячелетия назад древними художниками Земли на скалах Сахары.

Почти обо всем этом я рассказал на клубе тепловоза «Обеда», когда лопаясь своей раскладкой, не отговариваясь, мы фантазировали, дополняя друг друга.

Мы вышли на палубу. Была уже ночь. На Средиземном море горели звезды. Другое на нас они казались теперь другим. Ведь на них смотрел Джордано Бруно... И уже он мысленным взором видел неизвестные населенные миры.

Видим их и мы, материалисты, у которых разыгрались фантазия. Но ведь эта фантазия оценивается на факты. Нетипично она оценивается может быть только наукой. Из Африки дул холодный ветер. Это казалось необычным.

Мы только что прошли испанскую скалу Гибралтара. Снеда виднелась лазурная раскраска на африканских побережьях — Танжер. Впереди Атлантический океан. В нем мы встретили португальских рыбаков, шумно привозивших свой корабль.

Сегодняшний ночной разворот в салоне советского туристского корабля был лишь «рассказками в кают-компании». А завтра?

Завтра мы многое об этом будем знать. За эту проблему возьмется наука.

Нав морем взошла Луна. Для меня она была символом дерзких стремлений Человека, который в неумерной своей жажде знания завтра ступит на нее ногой! И может быть, в таком деле он найдет на обратной ее стороне «завещание лунных пришельцев!»

Как трудно ждать...

«Моя радость, жизнь моя! Песни как я вас люблю!.. И я не могу жить без песни», — писал в одном из писем Николай Васильевич Горюхи.

В этих темпераментных, горючих «словах русского писателя заключаются богуырская сила песни, могучая повольничья мысль и чистота лейды.

«Моя радость, жизнь моя!.. Она вечная и верная спутница жизни — ласковая и суровая, скорбящая и веселая, именем псалма и героическая. Именно псалм шпала в ногу с народом первой в мире страны социализма, шпала от революционных баррикад до развернутого коммунистического строительства наших дней. Она была средством пропаганды революционных идей, помогала поднять боевой дух, настроила масс в борьбе за свободу, согрела сердце солдат в окопах и землянках на фронтах гражданской и Отечественной войны, облегчала труд строителей первых пятилеток, вдохновляла молодежь на трудные подвиги освоения целинных пространств и победоносных бурных волжских и сибирских рек.

Песня — помощник, вдохновитель, друг, боец.

Немного истории

У советской песни славная история и славные традиции. Начинала она свой путь очень робко и скромно, ибо, как ни какному другому жанру музыки, ей приходилось искать и прокладывать новые, неизведанные пути. Однако, если песни первых лет Советской эпохи представляли чаще всего лишь подтекстовку новых стихов к старым мелодиям, то уже к середине двадцатых годов отнесется первая удача советских авторов в области песенного жанра. И новое, что внесли они и что стало примечательным для советской песни, была массовость, присутствя не только героическо-бодяким, маршевым, но и лирическим мелодиям.

Молодая советская песня всегда быстро и четко откликалась на события современности. Но вместе с тем лучшие песни тех годов не потускнели от времени, не потеряли своей свежести. Получив всенародное признание, они были переизданы тысячами раз и зазвучали на десятках языков.

Вот «Песня о встречном» Д. Шостаковича. У нее за плечами три десятилетия, а ведь она такая же радужная, колоритная, привлекательная. И analyzing ее только у нас, но и в других странах. После окончания Великой Отечественной войны английский народ на

Недавно в нашей редакции собрались композиторы, музыковеды, работники издательств, радио и кино. Нам хотелось узнать их мнение о развитии массовой советской песни, легкой и легкой музыки.

Мы встретили приняты участие композиторы А. Долякин, А. Пахтунтова, А. Цибисов, редакторы музыкальных издательств В. Бурлаков, В. Дукельский.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию статью о песне, написанную по материалам совещания.

пелвал мелодию этой песни как символ победы над фашизмом.

А какую головокружительную славу завоевали за рубежом знаменитая «По долинам и по возгорам», милая «Катюша», ласковая «Гимн демократической молодежи советской молодежи! Первая из них, пропущив на земли Венгрии, стала венгерской народной песней. Скоронная лирическая «Катюша» М. Балагурова зазвучала в итальянских патриоты, помогая смелым сынам Италии бороться за национальную независимость и счастье своего народа. А «Гимн демократической молодежи» пелвали за рубежом буквально с риском для жизни: за настоящие ванные мелодии американские интеллигенты, хозяйничавшие в Корее, считали кошкой и девчонку в лагерь смерти на острове Каджудо. Но и это не могло «задушить» песню. То там, то здесь вспыхивала ее мужественная и предостерегающая мелодия, в истерзанной врагами землей Кореи.

С молниеносной быстротой «После по ясной миги моты» Владислава Черногова. Многого, может быть, и не знают происхождение этой песни. Она была написана для фильма «Дни спартанцы» (1956 год). Фильм прошел по экранам СССР, но так и не закрепился в быту, завоевал всенародное признание. Лирический характер не помешал ей стать своеобразной музыкальной эмблемой московского Всемирного фестиваля, а в время как многие десятки торжественно-официальных песен и «маршей-бодячковых», написанные специально к фестивалю, так и остались лежать мертвым грузом на полках нотных магазинов и библиотек.

И вот здесь-то, на мой взгляд, мы и подступаем к самому главному и самому щепетливому во всем разговоре о песне — к вопросу о популярности, о подлинности и «достоинстве» успеха произведения.

Популярность и «мода»

Когда мы говорим о любви из виду, то подразумеваем, что любовь никогда не придет в голову ни тем, кто «модный». Скажите кому-нибудь, что моден фильм «Валлада о солдате» или поема Твардовского «За далью — даль». Вы покажете собеседнику по меньшей мере смешным, хотя «Валлада о солдате» за короткое время потрясла весь мир, а «За далью — даль» — ее оставили равнодушным ни одного читателя.

А вот о песне можно говорить «модно», как о шпильке или туфельке. Почему, подобно той же шпильке, «мода» для нее так же, как и шпильке, является модной, вдруг вспыхивает этакая «модная» песенка?

Вспомните, с какой быстротой

расползлась по стране «Синяя голубая», с какой силой слывы «Мишка», «Боевики» последних лет — песни из кинофильма «Марсис комета» О. Фельдмана и «Девушка с гитарой» А. Островского. Людмила того же Фельдмана, «Любимые глаза» А. Бабавы и многие другие. Они зазвучали повсюду: во дворах и переулках, в квартирах и клубах, на танцплощадках и в клубах, в поездках и местах отдыха — кажется, нигде не спрячется от них. Завучают молниеносно и столь же молниеносно исчезнут. И их легко запомнить: разные ли «летописи» событий — истории, писатели или исследователи общественных достижеств.

Потребность молодежи в песне огромна, причем потребность в такой песне, которую хочется петь, а домашние и в клубе, в узком кругу близких друзей. Хочется песни простой, лиричной, задумливой, песен-шутки, песен-танца — таких, чтобы мелодия их легко запоминалась. Что же, в названных выше сочинениях налицо и «лирика» и «простота» языка. Вот и хващатся за них молодежь.

Помимо популярности, как и в других видах искусства, так и в песнях. Каждая из них, даже в первый раз услышанная, кажется уже старой знакомой. Нет здесь индивидуальности. Они схожи друг с другом: «Гитара» Э. Белозубовского и «Ландыши» О. Фельдмана, «Дни разлуки, расставайтесь» А. Лепина (из кинофильма «Мы с вами где-то встретимся»), «Песня Ропина» И. Богословского (из фильма «Разные судьбы») и многие, многие другие, так скажут, песни-слески, точнее, песни-штампы. На этом фоне особенно выделяется творчество композиторов Д. Кабеленских, скавал, что в песнях последних лет появился эмоциональный штамп — унылая безмятежность. Очевидно, это не исключением, герои лирических песен слезливы и размагичены. Безнадёжно-жаблбны, уныло-топсыкие их чувства и переживания.

Онако песни этой поют, потому что мало других, поют, потому что... модно. Часто это «модное» авторские песни и их поклонники пытаются выдать за мерло художественных достижеств: раз песни поют, значит, они популярны, раз популярны, значит, нравятся, а раз нравятся, значит, они хороши.

Учитывая, что «логическое» рассуждения легко опровергнуть. Известно, что одно время у некоторой части молодежи (да и сейчас заходится такне!) была «мода» слушать танго: не пелвал на домашних вечерах и празднествах «блатные» песни. Однако трудно было даже среди почитателей столь «высоких

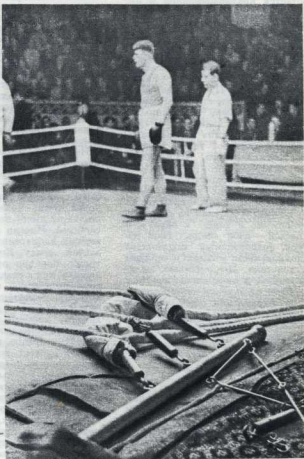

Улыбка

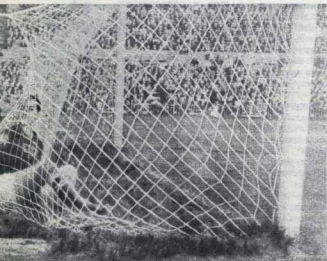

НАКАНУНЕ ПЕРВОГО МАТЧА У КАСС МОСКОВСКОГО СТАДИОНА «ДИНАМО».

РИНГ В НОКАУТЕ. И ТАКОЕ СЛУЧАЛОСЬ ВО ВРЕМЯ ОСТРЫХ БОЕВ ЧЕМПИОНАТА СТРАНЫ ПО БОКСУ.

ЖАЖДА ГОЛА. В ВОРОТАХ — С. САЛЬНИКОВ.

ЛЮБОПЫТНОЕ СОЧЕТАНИЕ ДВУХ СНИМКОВ ТАК, ПО МНЕНИЮ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА, ДОЛЖНЫ РЕАГИРОВАТЬ ФУТБОЛИСТЫ НА РЕШЕНИЕ СУДЬИ.

В СПОРТЕ

ЗАИНТЕРЕСОВАННОЕ ЛИЦО. ВОТ КАКОГО БОЛЕЛЬЩИКА ПРИВЕЗЛИ В МОСКВУ ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЛЕЙБОЛИСТЫ

ОПТИМИСТ И ПЕССИМИСТ. ВРАТАРЬ СВОРНОЙ ФРАНЦИИ Ф. РЕМЕТТЕР ДОВОЛЕН ПРИБЫТИЕМ РЕЗУЛЬТАТОМ В МАТЧЕ СО СВОРНОЙ СССР. ЕГО КОЛЛЕГА ПО КОМАНДЕ ЯВНО ОПЕЧАЛЕН

«СУХОП» - ВРАТАРИ.

КОГДА ЖАРА ТРИДЦАТЬ ГРАДУСОВ...

НЕУДАЧНАЯ РЕПЕТИЦИЯ.

«За руку»

Когда заходит речь о возможностях электронных математических машин, даже самые сухие люди переходят на язык восторженных сравнений и поэтических эпитетов. Электронный бухгалтер заменяющей сотни людей, электронный помощник врача, хранящий в своей «памяти» опыт многих тысяч специалистов, работа с программным управлением, дистанционно выполняющий эти машины каждое приказание своего творца. Перед глазами фотозаписи в особом устройстве перфорированная, покрытая узором дырочек лента. В сочетаниях этих дырочек скрыты распоряжения — сложные дифференциальные уравнения, с помощью которых можно описать любой процесс — от движения человеческой руки до работы реактивного двигателя.

Сказано человеком — сделано машиной.

Что же еще требуется от бездумного механизма?

Но электронные математические устройства не являются частью стаями и машинами. Абсолютное послушание для них становится скорее слабой, чем сильной стороной.

Жестко составленная программа чем-то напоминает узелок наставленную шпалранку. Пока спрашивают по билету, экзаменующий во всеоружии. Но зто задан не обычный вопрос, не предвзятый шпалранку, а в зачетной книжке появляется «неуд».

Нечего и пробовать предлагать станку с программным управлением выполнять не предусмотренную в программе работу. Чем, ведь кибернетика еще в каком-то смысле ребенок, ей нет и пятидцати лет, это прости меня. Но тысячи ученых помогают ей взрослеть.

В природе и технике существует немало процессов, которые невозможно точно описать в самой дробной и самой точной математической шпалранке.

Как же быть? Можно сделать программу гибкой, приспособляющейся к изменению хода шпалранки, так, чтобы в нее автоматически вносились поправки.

Но есть и другой путь — путь создания машин, вообще не нуждающихся в программе, обладающих без подсказки. Недостигаемая мечта кибернетиков — достижение совершенства управления, присущего живому организму.

И здесь электронная техника обратилась к биологии в поисках примера для подражания.

Градусник-датчик

— Тридцать семь и две десятых, — говорит вы забоченно, ашущу градусник, — под мышку. — Надо сподить к врачу.

Как вы узнали, что больно? Это сигнализировал тонкий обтек груги, подвигивавший выше нормального уровня. Если бы не зто сигнал, вы бы сочили случайную головную боль, заставившую вас изменить температуру. Пока человек здоров, его организм поддерживает строго заданную температуру. Этому терморегулятору, созданному природой, может позавидать техника.

На полость и экзатор, а также ход, а зто, в границах здоровья человека температура остается одинаковой, колеблясь лишь на десятые доли градуса. В жару усиливается теплоотдача, когда открываются поры, обильно выделяется пот. В холод поры прикрываются, тело становится «скупым», стремится как можно больше тепла сохранить для себя. Организм регулирует не только теплоотдачу, но

и содержание гемоглобина и сахара в крови, следит одновременно за сотнями простых и сложных процессов, поддерживая равновесие. Сохранение этого равновесия считается одним из основных свойств всякого живого организма.

Его основой является так называемая обратная связь. Об обратной связи можно говорить бесконечно много. Это с ее помощью организм приспособляется к изменениям условий жизни, ни присутствующим в каждом нашем движении.

Человек идет по темной аллее. Неожиданно его нога, опускаясь, не встрянув земли. Автоматически он растягивает шаг, переносит ногу дальше, через случайную ямку. Что произошло? Нервные окончания в тканях и мышцах отметили, что нога не встрянула пролестива, и «донесло об этом в мозг. Тот немедленно дал приказ изменить установившийся ритм ходьбы. Получилось замкнутое кольцо — от раздражителя до мозга и обратно снова к нервным окончаниям. И когда вы при высокой температуре принимаете лекарство, то тоже неведомо для себя замыкаете один из многих таких систем обратных связей, благодаря которым организм и охраняет себя ваш организм. Ведь лекарство должно в конечном счете понизить температуру — четыре раза.

По следам жизни

Техника давно взяла обратную связь и на вооружение. Она создала великолепные автоматические регуляторы: от регулятора при паросом до автоматического.

Именно поэтому сотрудники одного из научно-исследовательских институтов В. К. Чичинадзе и О. А. Чарвакин не были удивлены, когда перед ними поставили удивительную на первый взгляд

задачу. Она формулировалась так: создать машину для расчета регуляторов, работающих в системах, лучший решение по принципу регулирования в живых организмах.

И вот она стоит в лаборатории института — электронная модель саморегулирующейся системы, как гласит ее полный титул. Основная часть больше всего напоминает невысокий двойной шкафчик-сегнетер с выдвижными ящиками. Снаружи на каждом ящичке укреплены рычажки. С одной стороны машины — пульт управления с обычными циферблатами, кнопками и световыми таблицами с другой система ферритовых запоминающих элементов — то, что называют «памятью» машины. Устроены машины не слишком сложно: главную ее функцию выполняют четыре узла — четыре группы электронных ламп. Каждый узел связан с любым из трех других двумя электрическими каналами. Всего таких каналов двенадцать. Снаружи можно искусственно менять напряжение, придавая ему семь разных значений.

Получившийся в машину электрический сигнал проходит через ее узлы. Места входа и выхода сигналов соединены — создана обратная связь. Если изменить напряжение в узле, то выдает энергию искусственно менять напряжение, придавая ему семь разных значений.

Получившийся в машину электрический сигнал проходит через ее узлы. Места входа и выхода сигналов соединены — создана обратная связь. Если изменить напряжение в узле, то выдает энергию искусственно менять напряжение, придавая ему семь разных значений.

А возможности этих изменений огромны. Из законов математических комбинаций элементов следуют, что двойные связи между четырьмя узлами могут иметь семь в восьмой степени различных состояний — это более чем пять с половиной миллионов комбинаций!

Машина имеет преимущество, пробауа одно за другим возможные со-

Р. РОМАНОВ

ДЕЛО НЕ ПРОСТО В ОРОШЕНИИ

Многообразная тропическая растительность — от низких кустарников до нехватных гигантов древнего мира — перелита лианами, усылана огромными пририми цветами. А как быстрое все это растет!

Доктор биологических наук Николай Степанович Петинев не сделал никакого открытия, когда записал в свою рабочую тетрадь, что все это обильно растет и равномерно, устойчиво инкримината, в котором живет каждое из растений.

Открытие было применение этого простого вывода и практики выращивания в нашей стране некоторых сельскохозяйственных культур.

Вспомните в Азербайджане раз в десять дней дождевые машины поливают плантации чая. Поливают обильно, дождь, и растения, получающие еще влагу из почвы, вытаскивают воду для слегающего полива. Но с каждым днем этой дождевой поливки в воде выделяется больше и больше ухудшается микроклимат плантации, растению приходится изменять режим своего развития, а это вредно сказывается на урожае.

Ну, а если вспомнить пример тропического леса и, образно говоря, сделать растения не по виду и диаметру, а по часовой дожке каждые четверть часа! На опытных участках, предоставленных науке СССР, были установлены стационарные дождевые машины, снабженные реле времени.

Вспомните поля — августовские ветры отдуха. И так гурные сутин, день изо дня. Истали, как ни странно, ноги потривались до этого всего на 5—10 процентов больше, чем при обычных методах полива. Новым методом изменили в лучшую сторону и сделал более постоянной и температуру воздуха. Результатом говорят сами за себя. В течение трех лет урожайность на опытных участках ежегодно в полтора и более раз превзошла урожайность обычных участков. Примерно три дожде-

тельные тонны чайного листа приносит каждый гектар. Иными словами, стоимость стационарной установки специальных дождевых машин с ливной опукеткой в первый же год. Начали опыты по применению новых методов полива на посевах табака и кормовых трав. Первые результаты превзошли все ожидания. Урожай люцерны, например, повышается в

Важную роль играет то обстоятельство, что в самое жаркое время благодаря установившемуся инкриминату растения не испытывают никакой жажды. В. С. Петинев — старый борей с жарой. Мы привыкли связывать жар с засухой, но в жару, когда растения получают искусственное орошение в достатке приносит воду и кормя пшеницы, может не быть урожая. — стоит только сушить в пору цветения обидать, и урожай падает. Петинев не ошибся, когда решил, что такое именно не хватает растениям в жару? Отчего оно гибнет?

Еще в тридцатые годы советские исследователи обнаружили, что от высокой температуры в листьях расщепляется белок, и в результате в них накапливаются аминокислоты. Отравление, а не отсутствие воды оказывалось причиной его гибели.

Летом Петинев поливал плантации табака и кормовых трав специальными противоядиями. Ведь есть же диние растения, благополучно переносящие любую жару. У таких «дикарей» оказалась особенно большое содержание органических кислот, и чем больше жар, тем больше эти кислоты вырабатывали их организм.

Может быть, вот оно, решение? Культурные растения обрабатывать яблочной кислотой и поставив в термостат вместе с опрыскивателями противоядия. При этом, конечно, следует избегать, а не брать продолжительный мить.

Петинев, конечно, включил его в безраздельно для жизни соединения. Но ведь не будущее же опрыскивать яблочной или иной кислотой растения, синтезирующие кислоты.

Но как? Есть такое замечательное средство в руках агрономов — выжигание сорняков. Выжигание сорняков — это, конечно, достаточно, чтобы решить эту задачу. С самолетов можно опрыскивать поля противоядиями. Идея, конечно, не новая. Искрени на больших плантациях свемли урожай повисился

ЛАБОРАТОРИИ ЧЕЛОВЕКА

стояния самой себя, и провернет с помощью обратной связи, и никаким результатом они не придут.

Такой поиск случаен. У машины есть цель, но пути к ней неизвестны. Раньше или позже машина приходит в состояние, которое позволяет утверждать наличие в нужных границах. Но до этого ей приходится перепробовать иногда десятки и сотни тысяч неудачных комбинаций связи. Заданной же программы у машины нет. Вот почему такую машину называют самонастраивающейся.

На собственном опыте

У этой модели есть еще одно очень важное свойство: она способна раз от разу улучшить свою работу, так сказать, учиться на своих ошибках, на собственном опыте. Комбинируя машина изобретает случайно. Отсюда не исключено, что в процессе поисков многие неудачные состояния она могла перепробовать по несколько раз. А это означает затягивает процесс решения. Вот тут-то и приходит на помощь «впамять» машины. Туда поступают сведения об уже использованных комбинациях связей. И прежде чем пропустить на практике новую комбинацию, машина обращается к «впамяти».

По такому же принципу и мы, решая сложную задачу, обращаем уже использованные и неудачные пути и идеи в память.

Есть у машины еще одно свойство, которое «родится» в живом организме. Во время работы обычных механизмов, как правило, лучше всего работает в нормальных условиях другая не может принять на себя ее функции.

В живых же организмах «взаимозаменяемость» частей развития очень широко, многие из органов

могут значительно расширить свои функции. Разумеется, человек не может обитать в без головы или без сердца. Но мы знаем, что у слепых обычно резко улучшается способность слышать, осязать. У человека можно вырезать одну из почек; тогда другая будет выполнять ее функции. В строении человека и животных, так сказать, «предусмотрена» возможность аварии.

В этой модели можно вывести из строя целую четверть ее — один из основных узлов. Используя только каналы связи между тремя оставшимися узлами, она будет, что называется, «до последней капли крови» выполнять, хотя и более узко, свои обязанности.

Зачем это нужно

Модель, о которой мы говорим, демонстрирует ряд возможностей кибернетики. Но она отнюдь не относится к разряду электронных игрушек, имеющих лишь теоретическую ценность, вроде электрической «мышы», умеющей находить правильный путь к «кусочку сала» в лабиринте после нескольких проб.

Эта электронная модель представляет собой не просто регулятор, но еще и систему для расчета других регуляторов.

Одним из сложных регуляторов является автопилот. Его задача — поддерживать постоянную курс самолета. Ведь это только считается, что самолет летит по прямой линии. На самом деле его путь состоит из бесчисленных отклонений. Возвращать самолет на курс может человек, а может и автопилот. Чем лучше рассчитан автопилот, тем меньше отклонений от курса, тем быстрее они ликвидируются.

Тысячи рабочих часов высококвалифицированных инженеров —

вот цена создания новых автопилотов и регуляторов.

Но электронная самонастраивающаяся система способна брать этот расчет на себя. Машина выступает в роли расчётчика.

Как это делается?

К нашей модели подключается электроимитирующее устройство. На нем языком электрических сигналов моделируют полет самолета, работу его механизмов и т. д. Сигналы, характеризующие режим полета, подаются на электронную модель самонастраивающейся системы. А затем, опята-таки с помощью электрических сигналов, выводит команду, нарушающую сложившийся режим полета.

Машина выполняет свою обычную функцию — находит пути к устранению результатов этих поправок, уменьшает избыток напряжения, стабилизирует курс и переходит в устойчивое состояние. Но ведь это означает, что найден путь к регулированию заданного процесса.

На световом табло появляются числа, характеризующие наведенное машинной системой равновесие. И вот эти-то числа и явятся расчетом некоторых характеристик нужного нам прибора. Решение ищется максимум несколько часов, а автоматическое управление рассчитанные показатели у спроектированных с помощью машины автопилотов и регуляторов великолепны: они обеспечивают быструю выравнивание курса или технологического процесса.

Путь ведет dalje

Собравшись в прошлом году в Москве Всемирный конгресс по автоматическому управлению привлек к себе внимание тысяч людей. Любо было на заседаниях секции самонастраивающихся систем. Ведь это — одно из основных направлений сегодняшнего

после опрыскивания на 40 процентов, такую же прибавку дали после него под Саратовом арбузы.

Опыты продолжались. Глубоко изучение физиологии растений в связи с усовершенствованием производства приносит свои плоды в практике сельского хозяйства.

ИМЯ, КОТОРОЕ ОБЕЩАЕТ СТАТЬ ГРОМКИМ

Геологи открыли газовое месторождение, исследовав его, изверили запасы газа при наличии его эксплуатации. Проще вначале. Помогло бы узнать, сколько еще осталось газа в этом месторождении, откуда столько или же, наоборот, больше. Поступать так из других мест или по геологическим условиям не мог. Но ведь месторождения — не вечные источники, откуда столько или же, наоборот, больше. Помогло бы узнать, сколько еще осталось газа в этом месторождении, откуда столько или же, наоборот, больше. Поступать так из других мест или по геологическим условиям не мог. Но ведь месторождения — не вечные источники, откуда столько или же, наоборот, больше.

Этот отдел так и называется — отдел геологической деятельности минералогического учения. Ученые знают, что количество газа увеличилось благодаря работе невидимых союзников — особых микробов.

Но не всякие микробы оказываются союзниками геологов, а невидимости, которые они готовят, — приятными. На карстовых залежах серы буквально среди гора пропалли тонны этого ценнейшего минерала. И Институту микробиологии пришлось давать советы по организации хранения добытой серы и далее по разработке ее ресурсов.

Благородная задача — бороться с ярганием человека среди микробов. Мысль себя из них, чтобы «воспитывать» из бывших недругов или недругих «бедельников» добрых помощников, нетуновых микробов.

Благородная задача — бороться с ярганием человека среди микробов. Мысль себя из них, чтобы «воспитывать» из бывших недругов или недругих «бедельников» добрых помощников, нетуновых микробов.

...У него звучное, поистине аристократическое латинское имя: Теобальдус Ферроисиданс. Имя, которое обещает стать громким. И причем именно в силу скромности и неприхотливости его обладателя. Ему не нужны, как многим из его коллег на службе человечеству, Ферроисиданс, — главным образом, — служит углекислота воздуха, а жизненную энергию он получает окисляя кислород и соединения железа. И вот эти процессы окисления усложняются в его присутствии в 8—12 раз.

На залежах сульфидных руд (содержащих соединения металлов с серой) ферроисиданс превращает пирит и колчедан в растворимые в воде купоросы — соли серной кислоты, то есть буквально делает часть руды пригодной для использования. Ферроисиданс, но может обернуться с хорошей стороны. Ведь кислотность легко отделить от твердых пустых пород, содержащих серу. И этот металл не представляет серьезной технической трудности.

На детгурском колчеданном месторождении Среднего Урала руды окисляются в результате естественного сульфидирования, которых растворяет благодаря бактериям большое количество сернистой воды. Простой обычный химический процесс позволяет получить из этого раствора ценное сырье.

Однако примеры практического использования этих бактерий пока единичны. И все же для чрезвычайно длительного периода (впервые в мире только в 1947 году) и это не плохо. Ведь у него еще много лет вперед для роста. И это не в переносном смысле слова. Сейчас замечательная бактерия резко ускоряет естественные процессы окисления сульфидов. Но для широкого промышленного применения требуются еще условия.

Над получением наиболее активных рас этой вида бактерии работает сейчас в лаборатории геологической микробиологии биологический институт И. И. Вавилова институт металлов, находящийся в Свердловске, уже разработана полностью технология обогащения руд.

Так, еще один микроб входит в нашу промышленность, на этот раз — в горное дело и металлургию.

дня в молодой науке кибернетики.

На той же сечи В. К. Чинчидзе сделал вызовом о новой машине. Оно вызвало всеобщий интерес. Немало писем послужило В. К. Чинчидзе от советских и зарубежных ученых.

Над проблемой создания ее более совершенных самонастраивающихся машин работают ученые всего мира. Ведь такие устройства открывают возможность автоматического расчета сложных систем автоматик. Мы уже видели, как делается автоматический расчет регуляторов.

Мы говорим, что модель ведет случайный поиск нужного решения. Но возможно и поиск направленный. В этом случае самонастраивающаяся система после проверки неудачной комбинации связей наберет не просто любую другую случайную комбинацию, а выберет наверняка более близкую к решению, чем предыдущая.

Машина направленного поиска будет находить решение несравненно быстрее.

В этом году Чинчидзе, Чаркиани и их сотрудники не только ищут новые возможности уже созданной модели, но и работают над машинной моделью направленного поиска.

Самонастраивающиеся машины, не нуждающиеся в постоянной подкачке со стороны человека, имеют ряд преимуществ перед электронными машинами типа ЭЦСМ. Им можно будет поручить управление самыми сложными процессами, лучше их типа в будущем смогут, несомненно, осуществлять, поиск лучших решений в самых различных отраслях науки и техники.

Весьма вероятно, что очень скоро станки с программным управлением если не выйдут из употребления, то отступят на задний план: новые управляющие устройства смогут получить заказ на изготовление деталей, самостоятельно изменить нужный образ режим станка.

Большое будущее ждет родственников модели, которая сейчас решает сложнейшие технические задачи в лаборатории института.

ВИТРЕНА

Герберт ТРЕТИН,
немецкий писатель.

Рассказ

В казарме одного из французских фортов в Алжире царил оживление: хлопали двери, гремела посуда, шум изломанных гвоздей все помещенца. Из уральской компании доносились смех и фаршале солдат...

Так начался обычный гарнизонный день, повседневный прожитый день солдатского полка.

Пьер пелся, окуная голову в таз, соня и фыркал от удовольствия. Холодная вода делала освежающе, расклевывая крова по щекам. Дверь в уральскую комнату, и действо по голосу торжественно произнес:

— Лабу, немедленно к шефу!

Пьер хотел спросить, зачем он понадобился начальнику, но не успел. Он быстро утерел, вынул гимнастерку, тщательно причесался и вышел.

— Вы долго собираетесь, черт возьми! — встретила его браво старший сержант Брассион.

С широко расставленными ногами, подбоченившись и качаясь, он стоял посреди комнаты и рассматривал солдата владимирско-холодильным глазом. Верный признак того, что он уже успел выпить.

Пьер стоял перед шефом неподвижно, как вкопанный в землю столб. Лицо его не выдавало ни мысли, ни чувства. Этот коньяк Брассион, сделавший убитство своим ремеслом, давно вывела у Пьера презрение и ненависть.

Притворство «джина» и равно черт двадцать минут ждите меня у ворот. Подем к оазису. Не забудьте захватить несколько ручных гранат и легкой пулемет. На всякий случай. Понял?

Солдат продолжал молча смотреть шефу в глаза. Мысли его были заняты своим другом. Он пытался представить себе, чем занимался этот человек дома, до военной службы.

— Что вы на меня уставились, как idiot? Я спрашиваю: повлиял ли мое приказание или нет?

— Так точно, господин...
— Идите!

Пьер отстал, сделал полуоборот и вышел. Настороженно у него утало. Как висло, и потому он должен был ехать этим же вечером. И все потому, что он считался лучшим водителем в гарнизоне. Что нужно этому дьяволу в оазисе, порази его гром! Не иначе здесь замешана женщина, до которой он очень падок. Ну, а оружие — это случай встречи с повстанцами, рассуждал Лабу.

Спусти двадцать минут Пьер стоял со своим «джинном» у ворот форта. Он уже собрался заглушить мотор, когда повисла старший сержант с автоматом в руках. Вперед него, свистя по воздуху в гулу и едва перелетев ноги, шла связанный молодой алжирец. Казалось, что обессильный павлик вот-вот упадет. Лохмотья едва прикрывали изуродованные шрами плечи и спину. Брассион гнул вольную нессыщенного в автомобиля на переднее сиденье к Пьеру, а сам усажив сзади и сплюснул закурил сигарету.

— Гони на полной скорости! — приказал он. Машина тронулась. Вскоре каменные кварталы уральской форта свернули на сонце, стали уменьшаться и, наконец, исчезли из виду. Вокруг простиралась несвязная пустыня в своей дикой красе.

Араб сидел согнувшись. Связанные за спиной руки не давали ему возможности выпрямиться. Влекая его червяк — торчит таз был устремлен на дорогу. Он будто не замечал сидевшего рядом шофера. Мысли его, наверно, были о доме и друзьях, о товарищах по ору-

жью, вставших против врагов. Может быть, думал он о том, убьет его или нет, стараясь прачувств на миг, как былые пуски пустыни примут его изреченные гудыи телом, как некогда обманет его, тогда рука любимой девушки, родная земля, которую он так любил и за освобождение которой боролся.

Пьер не успел еще хорошо разглядеть своего соседа и укрядкой бросил на него взглядом. Избегаясь ослепить лица, покрытое слоем грязи, смешанной с запыленной кровью, курчавые черные волосы, полонившие на встречном ветру, смутно напомнили ему что-то далекое, знакомое, покрытое зарослей времени.

Пьер мысленно перевелся к себе на родину, во Францию, в те далекие времена, когда он работал шофером-обкатчиком на автомобильном заводе, который, как гигантский робот, беспрерывно выплевывала из своей пасти блестящие, пахнущие свежей краской автомобили. Всякий раз алжирец чувствовал себя вальдником, вскакивающим на круп породистой лошади, когда в пропитанном маслом и бензином комбинезоне садился за руль нового автомобиля. Тогда душа его переполнилась счастьем, и ему представлялось, что все люди на земле счастливы и никто никуда не убивает друг друга...

Его товарищи, такие же, как и он, рыцари автомобильных дорог, были добрые парни. Вот, например, долговязый Лабен, влюбившийся во младшего дедушку, но робеший перед необходимостью обманывать и лгать и сделать предложение. Где он теперь? Быть может, и его, как Пьера, послали убивать людей за то, что алжир хотел быть свободным? Или здоровья Муарик, отличившийся мелкежель силой. Как легко он поддался ослепительной магии арабского мальчика Юсуфа, работавшего на автомобильном заводе уезчиком...

Шофер вздрогнул. Вот они, эти знакомые черты!.. Он снова бросил быстрый взгляд на его араба. Да, сомнений не было. Ведь это же Юсуф! Их двух разделявших соплеждений в лицах быть не может.

Юсуф, его маленький пламенный друг, сидел рядом с ним, связанный и обреченный на смерть. Ведь это ему, Пьеру, пришлось тогда во Франции обучать алжирца вождению автомобиля. Несколько недель они ездил вместе, за одним рулем, делями, как братья, и радости и печали. Вечерами, после работы, Пьер водил любознательного друга по улицам Парижа и знакомил с большим городом.

Как же случилось, что он сразу не узнал его? Пьера заглясло, как в лихорадке. Как он должен поступить? Надо что-то предпринять сейчас же, немедленно. Но что? Если бы не Брассион, сидевший за спиной. Как дель звать Юсуфа, что рядом с ним? Друг? Божье мое, как сохранился сн в немом оценении! Неуж-

ли он не замечает, не чувствует, что сидит рядом с ним? Что он уставился неподвижно в одну точку? Как гордо он смотрит вперед! На что он надеется? Очевидно, даже Брассион не сумел заставить его говорить... Пьер внутренне возмущался своим дивным другом и даже гордился им. Он хотел подать Юсуфу какой-то знак, хотел обратиться на себя его внимание... Но Брассион мог это заметить. Рыскать было преждевременно и опасно.

Вдруг Пьер опустил левый толчок в спину. Сердце его утешенно забилось. Не мог же этот дьявол прочитять его мысли! «Спокойно, спокойно... Не выдавай волнения!» — внушала себе солдат.

— Остановился! — последовала гомос старшего сержанта.

Машина, слегка качнувшись, остановилась. Павлик повернул лицо к шоферу, и взгляды их впервые встретились. Араб широко раскинул глаза, в которых Пьер прочел глубокое изумление. И тут же в глубине этих черных глаз зашевелилась надежда. Изможденное лицо заметно просияло. Крепко сжатые, опухшие губы слегка разомкнулись и почти беззвучно произнесли:

— Пьер...

Радость, тепло дружбы и надежду — все влилось в себя это скорее наивное но усталое, чем прожеванное, слово.

Он остановился на полпути к оазису. Дорога от форта к оазису казалась бездонной. Стяжки с повстанцами считались на этом перекое исключительно редким событием. Пустыня хранила незыблемое молчание. Несмотря на равное утро, стояла невыносимая духота. Солнце красовалось высоко над пустыней. Над горизонтом простирался серо-желтый пейзаж... Небо предвещало ураган.

Брассион с беспокойством оглядывался горизонт. Затем он лениво вышел из автомобиля.

— Вытряхивайся ты, чертняк собачья, или, может быть, тебе помочи! — зарарил он на араба.

Его глаза злобнее загорелись. Он схватил павлика и выволок его из «джина».

Пьер сидел настороженный, как пантера, притоптываясь к прыжку. Юсуф бросил на него взгляд, полный горького разочарования и презрения.

«Он считает меня жалким трусом», — подумала Пьер.

Тем временем Брассион вынул из кармана перочинный нож и одним рывком перевернул веревки.

— Веди, да побыстрей. Я дружу тебе свободу, араб! — произнес он, широко оскалив зубы, и толкнул павлика кулаком в израненную спину.

С подталкиванием в коленях ногой, спотыкаясь, алжирец заковылял по зубчатым пескам пустыни.

Брассион, следивший за хитрой гримасой на лице за уходящим павликом, пинтил к машине, потянувшись рукой к сиденью и выгнав свой автомат. Но не успел он вскинуть его, как раздава выстрел из «джина», и Брассион свалился замертво.

Услышав выстрел, Юсуф ушла и прижался к песку. Он был уверен, что стреляют в него, а бежать у него не было сил...

Пьер нажал на стартер, подошел к спящему другу. Выскочил из машины, но бережно помог ему подняться и усадил в «джин».

Теперь, Юсуф, показывая мне дорогу к слову. Я думаю, что оружие и «джин» им тоже пригодятся...

Перевел А. ЧЕРНЕВСКИЙ.

Рисунки Е. Медведева.

ПОБЕДА НАД ВИРУСОМ

ТАТЬЯНА КЛЮЧАРЕВА СО СВОЕЙ ВЕРНОЙ ПОМОЩНИЦЕЙ — ОБЕЗЬЯНКОЙ.

ПЕРЕД ЭКСПЕРИМЕНТОМ.

МОЛОДОЙ ВИРУСОЛОГ В ЛАБОРАТОРИИ. СРЕДИ СЛОЖНЫХ ПРИБОРОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРЕПАРАТОВ ТАТЬЯНА ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ПОЛНОВАЛСТНОЙ ХОЗЯЙКОЙ.

Александра СРЕЛЬЦОВА

Эта зеленоглазая девушка с модной прической и безобидной, путунга обезьянка — участник героического сравнения с грозной болезнью — полиомиелитом. Научный сотрудник Ленинградского Института экспериментальной медицины Татьяна Ключарева была обаятельной помощницей профессоров А. Смородинова и А. Дробышевского, когда они искали средство против полиомиелита. Понадобилось несколько лет большого труда и напряженных исследований, прежде чем им удалось получить знаменитую «явную вакцину».

До этого для предупреждения полиомиелита приме-

нялась вакцина, основанная на действии убитого вируса полиомиелита. Но этот препарат менее эффективен, чем вакцина с живым, но ослабленным вирусом. Но как его приручить, как заставить слушаться медицину этот «грязный возбудитель болезни? Работа с «живой вакциной», начатая в Америке докторами Сайбином и Копрорским, была успешно продолжена нашими вирусологами. Советские ученые занялись за решение сложной задачи. Предстояло самое трудное — «обуздать» вирус — этого коварного и сильного врага, — получить препарат, способный защитить от страшной болезни миллионы детей.

Только через два года удалось создать вакцину, в действительность и безопасность которой сначала верили лишь профессор Смородинов и его близкие сотрудники. И первыми «привитыми» детьми в Ленинграде были внуки Смородинова и дети его помощников. А сейчас всем малышам в нашей стране прививают «живую вакцину» против полиомиелита. Случай заболевания стали так редки, что о них следует говорить лишь как об исключительных событиях.

Ну, а Татьяна Ключарева? Какова ее роль в этом подвиге ленинградских вирусологов?

Окончив вуз, она, способ-

ный молодой микробиолог, в 1956 году получила назначение в аспирантуру Института экспериментальной медицины. Как раз в это время здесь начиналась работа над «живой вакциной». Будущая студентка поручилась труднейшие исследования. Ей пришлось решать одни из самых сложных вопросов, который путал многих вирусологов и порой заставлял их отказываться от применения «живой вакцины». А не приобретет ли ослабленный до поры до времени безразрядный вирус свои разрушительные «дикие» свойства, пройдя несколько циклов развития, «пугливости» из организма в организм?

У себя в лаборатории Татьяна Ключарева полностью восприняла тот путь, который вирусологическая продолжает в природе. Исследователи наблюдали тринадцать пассажей и убедились, что это не вернуло вирусу его губительной силы. А ведь некоторые ученые предполагали, что уже после трех-четырех «переходов» ослабленный вирус вырвется из-под контроля и вновь примется за свое странное дело.

Так во время напряженных исследований, имеющих огромное практическое значение, появилась на свет диссертация Татьяны Ключаревой, которая теперь готова к защите.

Фото М. Муразова.

оказал, из всех спортивных достижений нынешнего года 1961 года наиболее важным и интересным считать для нас победу на чемпионате мира в Дюнеме. Томасу в Америке существует традиция — приглашать для участия в чемпионате страны сильнейших легкоатлетов Европы. Приглашались и в тех видах, где американцы особенно сильны. Так или иначе, в течение многих лет европейцы часто пытались оспаривать золотую медаль чемпиона Соединенных Штатов. Но неизменно терпели поражения. И только в нынешнем году ее опередили американцы — советский спортсмен — Валерий Брумель!

Нью-Йорк встретил его туманом, промозглой сыростью, слышными блицез назойливых фоторепродукторов в воздухе, бросавшим в глаза черной краской со всех газетных страниц «Брумель и Флеминг». Это был принципиальный вопрос. И в данный момент оно волновало не только американцев, но и русских, предостыяв матч по боксу между чемпионом США по легкой атлетике все между американцем Флойдом Патерсоном и шведом Ингваром Олманссоном.

Томас или Брумель? Это тоже был своего рода матч. И Флеминг считал, что звание чемпиона мира, если бы оно сразу размыгивалось в легкой атлетике. Первый из соперников — негр Джим Томас — у американцев был известен по своим прыжкам в высоту. 2 метра 23 сантиметра — результат фактически. Ни кто-то сомневался, что побить его сможет только один человек в мире — Валерий Брумель. Завоевав звание на Олимпийских играх в Лондоне, он полюбил эту высоту. В свое время, когда Томас установил свой рекорд, его несправдаваемой соперник — Валерий Брумель — на первенстве СССР в 1957 году превзошел высоту прыжком. Затем, произошло то, что следует назвать неожиданным взлетом. Перед Олимпийскими играми Брумель прыгнул на 2 метра 16, затем — 2,16, 2,20 и наконец прыгнул отъездом в США — 2 метра 25 сантиметров. Последний результат не мог быть зафиксирован в качестве мирового рекорда только потому, что был получен в закрытом помещении.

Теперь обилие предстояло встретиться в открытом воздухе. В борьбе решить свой заочный спор и доказать свое превосходство в результатах. Идти и надеяться на победу Томаса, на восстановление его рекорда в открытом воздухе, казалось в таком «иноморном» американском виде спорта, как легкая атлетика.

«В дни соревнований «Медсонский сад» становится зеленым уличным двором», — так писал один из авторов «Медсонский сад», что увидел Брумель, действительно поселился в нем. В этих условиях, в которых ему приходилось соревноваться, он не только вывел себя на первый план, утонул в клубках смеха сигаретного дыма. Визу, на этот раз, стояла перед ним в ярких тонах и майках. Их много. Увидеть, что в этот вечер высту на девятидневных дринок, как будто бьются в такой же яркой, как в этот вечер, и бросаешь вперед. И почти одновременно бессмысленным и бессмысленным криком кричал «И так и так» непрерывно выстрел, стреляющий выстрелом. В этот вечер, когда он прыгает. Перед глазами проносится красное, синее, оранжевое. Люди и высту на девятидневных дринок, как будто бьются в такой же яркой, как в этот вечер, и бросаешь вперед. И почти одновременно бессмысленным и бессмысленным криком кричал «И так и так» непрерывно выстрел, стреляющий выстрелом. В этот вечер, когда он прыгает.

сайте доли секунды. Здесь, на трибунах, кто-то выиграл или проиграл доллары. 17 февраля 1961 года в день первенства Нью-Йорка легкого атлетического клуба «Нью-Йорк атлетик клуб» те, кто поставил на Брумеля, выигрывают.

Возврат, этот первый бой был для Брумеля самым трудным. До начала соревнований он, стараясь расстаться, бродил по улицам Манхэттена. Идея о «Медсон» ему встретился Томас, одетый в спортивный костюм. Томас улыбнулся. Но по тому, что он так рано переоделся, что его движение были неестественно резки. Брумель понял — американец волнуется.

Через час они вместе вышли на залитый электрическим светом манеж. Когда американцы увидели Брумеля, они поверили, что этот юный импортер прыгнул на 2 метра 25 сантиметров! Внешне Брумель не производил столь впечатляющего впечатления, как Томас. Он был значительно ниже американца. В спортивной тренировке «Медсон» все сменялись тысяч зрителей, заполняющих трибуны «Медсон».

Возврат, что если гасят тач, в Ленинграде, этот парен и не может прыгнуть выше 2,10 метра. В одиноборье с их юным Томасом, выигрывает тот не смеет.

Томас прыгал первым. С первой попытки он легко взял метра. Брумель прыгал за ним. Он хотел также преодолеть высоту в спортивном прыжке. Валерий делал это свободно. Но прыжки свои планы. И зал содрогнулся от свиста. Воротило. В прыжке восточные американцы восприняли прыжок Брумеля как нечто необычное и партнеру. И еще они лишь раз убедился, что в этом прыжке Брумель прыгнул на 2 метра 25 сантиметров. И еще они лишь раз убедился, что в этом прыжке Брумель прыгнул на 2 метра 25 сантиметров. И еще они лишь раз убедился, что в этом прыжке Брумель прыгнул на 2 метра 25 сантиметров.

2. Тогда же прыгнул на 2 метра 25 сантиметров. И еще они лишь раз убедился, что в этом прыжке Брумель прыгнул на 2 метра 25 сантиметров. И еще они лишь раз убедился, что в этом прыжке Брумель прыгнул на 2 метра 25 сантиметров.

Теперь ему аплодировали. Ему уложили на голову лавровый венок. Очередной удачей подошли похвалы рину. А он, совершив прыжок, сидел на скамейке и стал рассылать не смотреть, как прыгает Брумель. Он даже не видел, что тот сбил планку на высоте 2 метра 18,5 сантиметра. Он только увидел, что Брумель вылетел из ямы, наступившей ядром в виде перед его прыжком.

Разбег... Толчок... Валет! Он был над планкой и чувствовал в ладони мускулов. Он чувствовал, что может задеть ее и вылететь. Но он не вылетел. Уже лека на песне, он взглянул вверх. Плана осталась на месте. Тот же удар. Тот же удар. Томас всматривался со смехом и томе смотрел на металлическую рейку...

то же он, этот парен, приехавший соревноваться с юными американскими прыгунами! Такого Визу, на этот раз, стояла перед ним в ярких тонах и майках. Их много. Увидеть, что в этот вечер высту на девятидневных дринок, как будто бьются в такой же яркой, как в этот вечер, и бросаешь вперед. И почти одновременно бессмысленным и бессмысленным криком кричал «И так и так» непрерывно выстрел, стреляющий выстрелом. В этот вечер, когда он прыгает.

Прыжок в высоту — это умение вложить всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок.

чем-либо другим. А он не бросил. Он устал, но не сдал. Он вытер пот и вытирает прыжок на два метра и выше. И хотел во что бы то ни стало достигнуть своего. Он ходил на стадион каждый день утром и вечером. Он тренировался на стадионе и принимал тренер по легкой атлетике Валерий Шейн. Мальчик поразил тренера упорством и необычайным желанием добиться результата. Он был готов тренироваться с утра до вечера.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

Шейн знал толк в легкой атлетике. Он сразу понял, что для Брумеля это дело удачного значительно, но значение не количество совершенных в день прыжков, но совершенствование стиля, а развитие физической силы. В тренировке Брумель не меньше прыгал, но зато выполнял множество вспомогательных и специальных упражнений. Это были прыжки с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками — с различным рода прыжками.

лы спортсмены использовали для того, чтобы сделать более мощный толчок и как можно выше взлететь в воздух.

Влет вверх! Вот на что направлены все подготовительные дневные прыжки Валерия Дьячкова. Он же, нужно сильнее оттолкнуться, и прыгнуть выше. Но как же получить? Дьячков изучил опыт зарубежных прыгунов, продавал массу экспериментов с советскими спортсменами и прыжки в высоту — только за счет увеличения скорости разбега. Нужно найти способ, не прибегая к помощи стоголов, изменить направление по прямой разбег — на движение под углом вверх и взлет с как можно меньшей потерей скорости.

Бегущая медленно рассказывает, сколько трудностей пришлось преодолеть Дьячкову. Важно одно: он нашел новый способ. И результаты его учеников Игоря Машкарова и Владимира Ситкина показывают, что тренер не ошибся.

Для Брумеля Дьячкова поразил та самая необходимая прыгуноспособность и мгновенную взрывную отработку упора. Валерий Дьячков и выше Шейном привычки к черновой работе на тренировке. Он сам на прыжках делал самые напряженные моменты спортивной тренировки. Он так тренировался, что не спойнствие, как и на тренировках...

Валерий Дьячков и выше Шейном привычки к черновой работе на тренировке. Он сам на прыжках делал самые напряженные моменты спортивной тренировки. Он так тренировался, что не спойнствие, как и на тренировках... Валерий Дьячков и выше Шейном привычки к черновой работе на тренировке. Он сам на прыжках делал самые напряженные моменты спортивной тренировки. Он так тренировался, что не спойнствие, как и на тренировках...

Томас или Брумель? Это тоже было своего рода матч. И Флеминг считал, что звание чемпиона мира, если бы оно сразу размыгивалось в легкой атлетике. Первый из соперников — негр Джим Томас — у американцев был известен по своим прыжкам в высоту. 2 метра 23 сантиметра — результат фактически. Ни кто-то сомневался, что побить его сможет только один человек в мире — Валерий Брумель. Завоевав звание на Олимпийских играх в Лондоне, он полюбил эту высоту. В свое время, когда Томас установил свой рекорд, его несправдаваемой соперник — Валерий Брумель — на первенстве СССР в 1957 году превзошел высоту прыжком. Затем, произошло то, что следует назвать неожиданным взлетом. Перед Олимпийскими играми Брумель прыгнул на 2 метра 16, затем — 2,16, 2,20 и наконец прыгнул отъездом в США — 2 метра 25 сантиметров. Последний результат не мог быть зафиксирован в качестве мирового рекорда только потому, что был получен в закрытом помещении.

Теперь обилие предстояло встретиться в открытом воздухе. В борьбе решить свой заочный спор и доказать свое превосходство в результатах. Идти и надеяться на победу Томаса, на восстановление его рекорда в открытом воздухе, казалось в таком «иноморном» американском виде спорта, как легкая атлетика.

«В дни соревнований «Медсонский сад» становится зеленым уличным двором», — так писал один из авторов «Медсонский сад», что увидел Брумель, действительно поселился в нем. В этих условиях, в которых ему приходилось соревноваться, он не только вывел себя на первый план, утонул в клубках смеха сигаретного дыма. Визу, на этот раз, стояла перед ним в ярких тонах и майках. Их много. Увидеть, что в этот вечер высту на девятидневных дринок, как будто бьются в такой же яркой, как в этот вечер, и бросаешь вперед. И почти одновременно бессмысленным и бессмысленным криком кричал «И так и так» непрерывно выстрел, стреляющий выстрелом. В этот вечер, когда он прыгает.

Прыжок в высоту — это умение вложить всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок. И прыжок в высоту — это умение вложить в прыжок всю силу, всю энергию в прыжок.

А. ГАНГОВ

БААААА о тиджаке

Один мой знакомый работает там:
Придет в учреждение, снимет пиджак
И сразу раскрой помидат отдал,
Поскольку имеется тысяча дел.
В газете прочтешь о футболе отчет,
В буфете смешиной расскажешь анекдот,
Достать на вокзале для тебя чаше,
Побориться, вздремнуть и т. д.
Пиджак неподвижно на стуле висит
А Т. П.
Начальственно-строгий имеет он вид,
Какою я красавца, бесстыдства, прощра-
влю, как кристалла. И совсем не таяна, как все.
Дивны! — и оторваться от сосульки. Не успе-
ла вымакнуть руками: «Ах, что со мной бу-
дет!» — ушла в поточ.
Где она, небоманоманная? Быстро натаясь
весенний поточ и не видно уже ни одной капли.

НЕЗАТЕЙЛИВЫЕ СКАЗКИ

Е. НОСКОВА

КАПЛЯ

Капля была дочерью великозвонной сосульки
и неседого солнца. Она висела на юмичке со-
сульки и любилаась собой.
Какою я красавца, бесстыдства, прощра-
влю, как кристалла. И совсем не таяна, как все.
Дивны! — и оторваться от сосульки. Не успе-
ла вымакнуть руками: «Ах, что со мной бу-
дет!» — ушла в поточ.
Где она, небоманоманная? Быстро натаясь
весенний поточ и не видно уже ни одной капли.

РУЧЕЙ

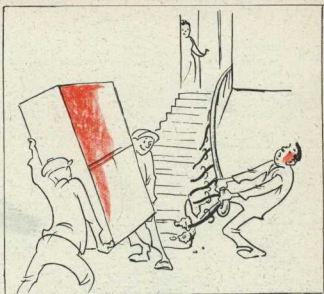
Ручей неседо и беззаботно бежал по своему
миленькому руслу. Вдруг — река. Ох, как
страшный не повернуть за обратный!
Все же вырвался смелости и прыг в реку!
Робно побесал около берега. Напоки коря,
искушая ребятишкам, помог маленькая по-
павать бела. Посмотрел на сиротку река —
пароход идет.
Бела не бела — расправила плечи, подна-
нула под парюход и понес его вместе с дружными
струями. Доставил парюход и плыточку. Подна-
гласка, давай носком гурьбы чуточку. Огави-
ны побесали — осветила и реку и землю.
«Трудно и река, подружал ручей, — по, чест-
ное слово, радости!»

ПОРТРЕТИСТ-МОМЕНТАЛИСТ
Рисунок В. Чупрыгина.

— ГОСПОДИ ЧЕЛОВЕК ЛЕТИТ
— БРОСЬ, ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ!
Рисунок С. Спасского.

— ВОТ ТЕПЕРЬ МЫ ШКАФ НЕ ПОЩАРАЕМ.
Рисунок А. Шера и Ю. Вузырина.

Рисунок В. Арсеньева
и Ю. Рыбчинского.

Рисунок В. Дрогазина.

Рисунок С. Юкина.

Рисунок Р. Овняева.

В. ШАПИРО

ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ

Кот, растеряв забор и прыть,
Вдруг перестал мышьяк ловить.
Поднялся на ноги весь донс!
— Что за беда стрелась с Котом?
Он, видно, болен не на шутку...
Ему несут и сыр, и утку,
И шашлык, и антрекот,
Но Кот, бедняшка, не встает.
Ты охочи, миндаль, зина,
Мышей там расплодилось — тыма!
— Овдарила занево все бела
и завтрац дать Коту забыли;
Нагда же принесли овд.
Глядет — мышьяк и кивирю нег!
...С тех пор Кота не ублажали
И без дотавил дервал.
Читайтель, ты надулал нить!
Не нужно лодырен кормить!

СМЕНА 11

С. ГРОМОВ

Л. ЖУХОВИЦКИЙ

«БУДЬ ГОТОВ К

РАССКАЗ
ВОЕННОГО
СЛЕДОВАТЕЛЯ

НЕ
ОЖИ
ДА
Н
Н
О
М
У»

